

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КЕЙТ АТКИНСОН

ЧУТЬ СВЕТ, С СОБАКОЮ ВДВОЕМ

ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ ПРОЕКТ ДЕСЯТИЛЕТИЯ.
КНИГИ ИЗ ТЕХ, ЧТО СУЕШЬ ЛЮДЯМ В РУКИ СО СЛОВАМИ:
«ТЫ ПРОСТО ОБЯЗАН ЭТО ПРОЧЕСТЬ!»

18+

Стивен Кинг

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Кейт Аткинсон

Чуть свет, с собакою вдвоем
Серия «Джексон Броуди», книга 4
Серия «Звезды мирового детектива»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55326646

Чуть свет, с собакою вдвоем: роман / Кейт Аткинсон: Азбука, Азбука-

Аттикус; СПб.; 2020

ISBN 978-5-389-18367-4

Аннотация

В высшую лигу современной литературы Кейт Аткинсон попала с первой же попытки: ее дебютный роман «Музей моих тайн» получил престижную Уитбредовскую премию, обойдя «Прощальный вздох мавра» Салмана Рушди, а цикл романов о частном детективе Джексоне Броуди, успевший полюбиться и российскому читателю («Преступления прошлого», «Поворот к лучшему», «Ждать ли добрых вестей?», «Чуть свет, с собакою вдвоем», «Большое небо»), Стивен Кинг окрестил «главным детективным проектом десятилетия». Суммарный тираж цикла превысил три миллиона экземпляров, а на основе первых его книг телеканал Би-би-си выпустил сериал «Преступления прошлого» с Джексоном Айзексом в главной роли.

После всех приключений в Кембридже и Эдинбурге Броуди возвращается в свой родной Йоркшир. Удалившийся, казалось бы, на покой частный детектив пытается выследить обчистившую его банковский счет липовую жену и отзывается, сам того не желая, на внезапное письмо из Новой Зеландии: «Меня удочерили, и я бы хотела спросить: вы не могли бы что-нибудь выяснить о моих биологических родителях?» Но сказать оказывается легче, чем сделать: ни в каких архивах родители Надин Макмастер не значатся, как и сам факт удочерения. «История потерянного и обретенного ребенка диковинным образом отражается и преломляется в историях других потерянных детей и – неожиданным образом – в истории собаки» (Галина Юзефович, «Итоги»). Двое отставных полицейских ведут каждый свое расследование в одном пространстве, до поры до времени не соприкасаясь, и за каждым – свое прошлое, свой шлейф исторических и культурных реалий. «Когда же в эту экзистенциальную сумятицу вмешивается главная детективная интрига, читатель испытывает настоящий восторг от того, с каким мастерством Аткинсон превращает причудливый танец случайностей в строгий детективный пасьянс» (*Time Out*).

[i]Внимание! Содержит ненормативную лексику![/i]

Содержание

Сокровище	16
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Кейт Аткинсон

Чуть свет, с собакою вдвоем

Kate Atkinson

Started early, took my dog

Copyright © 2011 by Kate Atkinson Ltd.

© А. Б. Грызунова, перевод, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Лучший детективный проект десятилетия... Книги из тех, что суешь людям в руки со словами: «Ты просто обязан это прочесть!»

Стивен Кинг

Если кто-нибудь скажет вам, что детективы теперь умеют писать только скандинавы, а прежние «хозяева дискурса», британцы, давно выдохлись и механически воспроизводят жанровые клише пятидесятилетней давности, просто назовите ему эту фамилию – Аткинсон, и на этом разговор закончится. Рассказывая об этой 60-летней женщине, трудно удержаться от восточноевропейской непосредственности – да ведь она прямо-таки мегазвезда, Агата Кристи на стероидах, умная, как черт, и остроумная, как тысяча чертей.

Замечательно прописанные герои, на которых навешаны камеры слежения; сцена за сценой – невероятно динамичные; здесь все не то, чем кажется, все ненадежно, никому нельзя верить; единственное, что неизменно, – это война против клише, литературных и житейских, с первой до последней страницы. Словом, это нечто удивительное...
Лев Данилкин (Афиша)

Кейт Аткинсон – настоящее чудо.
Гиллиан Флинн

Столь непринужденному сочетанию комичного и трагичного мог бы позавидовать сам Диккенс – разве что сюжет у Аткинсон выстроен даже хитроумнее.
Хилари Мантел

Кейт Аткинсон – из тех редчайших авторов, кто без малейших усилий смыкает разрыв между настоящей литературой и коммерческой прозой.
Фэй Уэлдон

Как и в «Преступлениях прошлого», Аткинсон с мастерской ненавязчивостью раскрывает внутреннюю жизнь своих героев и ловко сплетает сеть загадок, каждая из которых порождает новые загадки.
The Independent

«Чуть свет, с собакою вдвоем» – одно название, позаимствованное у Эмили Дикинсон, чего стоит! Подобно творчеству этой таинственной поэтессы,

надолго опередившей свое время, роман Аткинсон насыщен двойниками и неожиданными параллелями, странным юмором и потусторонними отзвуками. Впрочем, ничего удивительного: Кейт Аткинсон никогда не ограничивала себя детективным жанром, и все у нее выходило с неизменным блеском.

The New York Times

Мастер-класс сюжетной смелости, песнь любви и утраты во всех мыслимых проявлениях.

Guardian

Романы пропитаны фирменным юмором Аткинсон, язвительным и лаконичным. Одна из главных прелестей всего цикла – насколько эти книги забавны.

Observer

Приключения Джексона Броуди в равной степени привлекают и мужскую, и женскую аудиторию – только лучшие детективы могут этим похвастать.

The Times

Талант у Кейт Аткинсон поистине безграничный.

Маргарет Форстер

Кейт Аткинсон – поразительный мастер. Она произвела революцию в жанре детектива...

Мэмм Хейз

Кейт Аткинсон – обязательное чтение. Я обожаю все,

что она пишет.

Харлан Кобен

Каждую новую книгу Аткинсон ждешь, как Рождества: никто другой из наших современных писателей не способен так виртуозно балансировать на грани между серьезным и увлекательным, комичным и трагичным.

Sunday Telegraph

Один из самых блестящих, остроумных авторов нашего времени.

The Scotsman

По литературному мастерству, по яркости и глубине психологических описаний Кейт Аткинсон сегодня нет равных.

Evening Standard

Как это у нее получается? Аткинсон заставляет читателя то хохотать навзрыд, то рыдать в голос — иногда в пределах одной и той же фразы. Выдающийся триумф, неудержимая радость!

The Boston Sunday Globe

Четвертый роман о частном детективе Джексоне Броуди, которого все по очереди слегка дрючат, особенно неромантичные дамы, и немного — о любви к старинной американской поэтессе Эмили Дикинсон, считавшей прекрасным то, что никогда не дастся в руки. Дикинсон в романе скрыто и открыто

цитируется, начиная прямо с названия: «Я рано встала – Пса взяла – До моря близкий путь – Русалки поднялись со дна – Чтоб на меня взглянуть». Еще автор пользуется ее способом вложить в привычный жанр стишка-наблюдения непредвзятые мысли. Кейт Аткинсон примерно так поступает с жанром детектива, вписывает в обыденный круг поначалу ничуть не детективных забот-хлопот прямо-таки джазовый квадрат. Язык, которым рассказываются истории персонажей Аткинсон, способ сведения речевых речушек и ручейков, нескольких русел загадочных событий, связанных с похищением малюток, имеет отношение к музыке, не к детективной прозе. Эта проза знавала выдающихся стилистов, в том числе и в век джаза. Но явление Аткинсон гораздо более объемно. За ней не только новое слово, она строит новые отношения между структурой текста и его мелодикой. Неровности дыхания сравнимы уже не с джазовым пульсом, а немного с какофонией. Эту выверенную какофонию мастерски передает переводчик Анастасия Грызунова – ее второй подход к циклу Аткинсон о детективе Бродди.

Однако

Двое полицейских в отставке (она возглавляет службу безопасности супермаркета, он – частный сыщик, специализирующийся на поиске пропавших людей) независимо друг от друга расследуют дело, связанное с похищениями детей, то есть оказываются втянуты в это расследование. Понятно, что

сюжетные линии на протяжении романа сближаются. Впрочем, интересно не это. Аткинсон – мастер кинематографических сцен с внезапными смещениями планов, монтажными стыками, стремительными переходами. У каждого героя своя история, свое прошлое, расцвеченное приметами и реалиями среды, в которой это прошлое протекало. За каждым – хаос впечатлений, обрастающий ворохом цитат (музыкальных, литературных, театральных, телевизионных). Автор внимательно следит за каждым шагом своих героев, их глазами представляет мир. И постепенно в эту экзистенциальную сумятицу вмешивается главная детективная интрига.

Эхо Москвы

Те, кто полагает, будто верхние строчки в списках бестселлеров пожизненно оккупированы разного рода Донцовыми, а то так и «Бандами-2» (три, четыре, пять – далее везде), драматически заблуждаются: остросюжетное чтение не так уж часто попадает в книжные чарты. Если же попадает, то, как правило, при ближайшем рассмотрении оказывается не просто детективом, а чем-то более сложным и хитро устроенным, в силу авторской причуды лишь упакованным в криминальную обертку. Пользуясь терминологией отечественных маркетологов, этот гибридный тип литературы можно обозначить как «детектив плюс», причем после плюса, понятное дело, каждый писатель волен подставлять все, что

захочется, – от социальной драмы (как Стив Ларссон) до исторической эпопеи (как Борис Акунин). В случае с романами англичанки Кейт Аткинсон – и нынешняя книга «Чуть свет, с собакою вдвоем» (в первой двадцатке рейтинга продаж книжного магазина «Москва») не является исключением – после плюса определенно должно стоять «высококачественная психологическая проза с лирическими подробностями».

Мир романа «Чуть свет, с собакою вдвоем» содержит в себе множество читательских аттракционов на любой вкус. История потерянного и обретенного ребенка диковинным образом отражается и преломляется в историях других потерянных детей и – неожиданным образом – в истории собаки. Выжившая из ума старуха-актриса на протяжении всего романа мельтешит где-то на заднем плане, вызывая в читателе то недоумение, то раздражение (господи, ну зачем автору эта несносная карга, без толку тормозящая интригу?), – как выясняется, для того, чтобы под занавес выйти на авансцену и исполнить свою блистательную, пронзительную и трагическую партию. Внесценические персонажи (как, например, знаменитая актриса Фиби Марч – злой гений сразу нескольких персонажей романа) ухитряются скреплять разные куски романа крепче самого прочного проволоочного каркаса, ни разу при этом реально не появляясь на его страницах. А для любителей поэзии припасен особо богатый гостинец – весь текст буквально прошит поэтическими цитатами,

аллюзиями и парафразами...

Словом, тонкая и сложная литературная работа самого высокого класса, рассчитанная на знатока и ценителя, но при всем том очень успешная и популярная среди тех, кого принято называть рядовыми читателями.

Галина Юзефович (Итоги)

Аткинсон – мастер кинематографических сцен с внезапными смещениями планов, монтажными стыками. Вот огромный супермаркет, и камеры слежения фиксируют хаотическое движение публики. В потоке покупателей автор выделяет лица героев романа: отставной полицейский, начальница охраны (тоже полицейский на пенсии), пожилая актриса. Они в одном пространстве и даже соприкасаются друг с другом, но пока еще не захвачены единым действием. И у каждого из них – своя история, свое прошлое, расцвеченное реалиями среды, в которой это прошлое протекало. За каждым – хаос впечатлений, обрастающий ворохом цитат (музыкальных, литературных, театральных, телевизионных). Все это дотошно сообщается автором, отслеживающим каждый шаг героев, их глазами смотрящим на мир. Так что когда в эту экзистенциальную сумятицу вмешивается главная детективная интрига, читатель испытывает настоящий восторг от того, с каким мастерством Аткинсон превращает неразбериху и причудливый танец

случайностей в строгий детективный пасьянс.

Time Out

Йоркшир, наши дни. Милая сожранная Альтгеймером старушка-актриса каждые пять минут судорожно пытается вспомнить, на каком свете находится, – и тут же вляпывается в очередную мелкую неприятность. Суровая толстуха из службы охраны супермаркета судорожно пытается забыть кошмарные события полицейской юности – и неожиданно для себя покупает дочку соседской наркоши. А Джексон Броуди, бывший военный, полицейский, нувориш и муж, а ныне растерянный неудачник и немножко сыщик, вяло, но все равно судорожно пытается разобраться с происхождением австралийской клиентки – и с методами содержания отбитой у незнакомого жлоба собачки.

К четвертой книге Аткинсон то ли притомилась, то ли решила не париться с формальными поводами. Цикл «Джексон Броуди» считается детективным, однако широкая международная общественность ценит его не за несомненную разыскную интригу, а за изящный стиль, едкий слог и изощренное бытописание, по которому школяры лет через сорок будут изучать жизнь Объединенного Королевства. Ну и пушай этого будет побольше, а всяких оперативно-разыскных мероприятий поменьше, решила, видимо, автор. И была, пожалуй что, права. Броуди вроде бы занят кучей дел: ведет текущее расследование, тоскует по

дочке, копает в сторону сынишки, ищет мошенницу-жену, упихивает в рюкзачок собачку, которая покорно упихивается, а сама, как сказал бы БГ, глядит на него глазами, дерется и трудно копошится в мусорном баке, — но на самом деле катается, как бильярдный шар, от стенки к стенке, и никто его, бедного, не приголубит и не зашлет от борта в лузу.

Анастасия Грызунова предлагала назвать свой перевод (близкий к гениальному, между прочим) «С утра пораньше, пес со мной» — и это было бы не только остроумно, но и очень точно. И честно к тому же. Подкачанный, решительный и brutальный Броуди не может совершить ничего путного — разве что дюлей такому же подкачанному накинута. Самая испуганная тетка разведел решительного-brutального, как ребенка, а самая безмозглая старушка одним неловким движением рассечет узел, который должен был прихватить и удушить половину очень симпатичных героев.

Аткинсон чем дальше, тем меньше скрывает, что смотрит на нечесаную мужскую часть мира со снисходительным женским превосходством — не в смысле феминизма и прочего аболиционизма, а в смысле «а жена шея», — хотя по этой шее и прилетает постоянно.

Ей — можно.

Шамиль Идиатуллин

Моему отцу

Все ошибки – мои, некоторые допущены нарочно. Я не всегда придерживалась истины.

Благодарность причитается:
как всегда, Расселлу Экви; Малькольму Грэйму, старшему детективу-суперинтенданту полиции Лотиана и Шотландских Границ; Малькольму Р. Диксону, бывшему помощнику инспектора полиции Шотландии; Дэвиду Мэттоку и Морин Ленехан – за то, что вместе со мной вернулись в Лидс семидесятых.

Не было гвоздя – подкова пропала.
Не было подковы – лошадь захромала.
Лошадь захромала – командир убит.
Конница разбита – армия бежит.

Враг вступает в город, пленных не щадя,
Оттого что в кузнице не было гвоздя¹.

Народное

Я тут всего лишь чуть-чуть прибрался.

Питер Сатклифф²

---

¹ Пер. С. Маршака. – Здесь и далее прим. переводчика.

² Йоркширский Потрошитель Питер Уильям Сатклифф (Питер Уильям Кунан, р. 1946) – серийный убийца, в 1981 г. был приговорен к 20 пожизненным срокам заключения за убийства 13 женщин и нападения еще на семь.

Сокровище

9 апреля 1975 года

Лидс – «Шоссейный город семидесятых». Гордый лозунг. Ни капли иронии. Кое-где на улицах до сих пор мигают газовые фонари. Жизнь северного городишки.

«Бэй Сити Роллерз» – номер первый в чартах³. По всей стране ИРА взрывает что ни попадя. Партию консерваторов возглавила Маргарет Тэтчер. В первых числах апреля Билл Гейтс в Альбукерке основал будущую корпорацию «Майкрософт»⁴. В последних числах Сайгон пал пред вьетконговцами⁵. По телевизору все идет «Черно-белое менестрель-шоу»⁶, Джон Поулсон до сих пор в тюрьме⁷. «Про-

---

³ «Бэй Сити Роллерз» (*BayCityRollers*, 1966–1981) – шотландская поп-группа, кумиры подростков 1970-х. Весной 1975 г. четыре недели продержались в первой строчке чартов с песней «Прощай, детка (Детка, прощай)» (*Bye, Bye, Baby [BabyGoodbye]*, 1965), изначально написанной Бобом Кру и Бобом Гаудио для американской группы *The Four Seasons*.

⁴ Корпорация *Microsoft* (первоначально – *Micro-Soft*) была основана Биллом Гейтсом и Полом Алленом 4 апреля 1975 г.

⁵ Вьетнамская народная армия и Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (Вьетконг) заняли столицу Южного Вьетнама Сайгон 30 апреля 1975 г.

⁶ «Черно-белое менестрель-шоу» (*TheBlackandWhiteMinstrelShow*, 1958–1978) – британская развлекательная еженедельная телепередача с музыкальными и эстрадными номерами, созданная шотландским музыкантом и телеведущим Джорджем Митчеллом. В соответствии с требованиями жанра менестрель-шоу постоянные участники Джордж Чизем, Стэн Стеннетт и Лесли Краузер грими-

щай, детка, детка, прощай». И посреди всего этого Трейси Уотерхаус беспокоила только дырка на носке колготок. С каждым шагом дырка росла. А еще утром колготки были новые.

Сказали, что на пятнадцатом многоэтажки в Лавелл-парке, и – ну еще бы – лифты не работали. Два констебля, пыхтя и отдуваясь, карабкались по лестнице. Ближе к цели переводили дух на каждой площадке. Констебль Трейси Уотерхаус, крупная неуклюжая деваха, только-только испытательный срок прошла, и констебль Кен Аркрайт, коренастый и коренной йоркширец, с куском сала вместо сердца. Покоряют Эверест.

Оба застанут начало кровавой кампании Потрошителя, однако Аркрайт уйдет на пенсию задолго до конца. Дональда Нильсона, брэдфордскую Черную Пантеру, еще не поймали⁸, а Гарольд Шипмен⁹, вероятно, уже начал убивать паци-

---

ровались под чернокожих.

⁷ Джон Гарлик Лдуэлин Поулсон (1910–1993) – британский (йоркширский) архитектор и бизнесмен; в 1972 г. оказался в центре политического скандала, коснувшегося членов британского парламента и правительства. В 1974 г. Королевский суд Лидса приговорил Поулсона к тюремному заключению по обвинению в коррупции и взяточничестве; Поулсон вышел на свободу в мае 1977 г.

⁸ Дональд Нильсон (Дональд Нэппи, Черная Пантера, 1936–2011) – британский серийный убийца и вооруженный грабитель; в 1971–1974 гг. совершил три убийства при ограблениях, в январе 1975-го похитил ради выкупа 17-летнюю Лесли Уиттл, чье тело нашли в марте. Дональд Нильсон был арестован в декабре 1975 г. и приговорен к пяти пожизненным заключениям; остаток жизни провел в тюрьме.

ентов, которым не повезло оказаться под его опекой в больнице Понтефракта. В 1975 году Западный Йоркшир кишмя кишел серийными убийцами.

У Трейси Уотерхаус еще молоко на губах не обсохло, хотя сама она в этом не призналась бы. Кен Аркрайт видел столько, что другим и во сне не приснится, но сохранял добродушие и оптимизм – хороший полицейский, большая удача, что он взял совсем зеленую девчонку под крыло. Паршивые овцы тоже встречались – смерть Дэвида Олувале¹⁰ по сей день черной тучей осеняла полицию Западного Райдинга, – но Аркрайта тень не коснулась. Дрался, когда нужно, а порой и когда не нужно, но кары и награды раздавал, не глядя на цвет кожи. Нередко звал женщин *шалавами* и *потаскухами*, однако с уличными девчонками делился, бывало, сигаретами и наличкой и к тому же любил жену и дочерей.

Как учителя ни умоляли остаться и «чего-нибудь добить-

---

⁹ Гарольд Фредрик Шипмен (1946–2004) – английский серийный убийца, единственный в Великобритании врач, признанный виновным в убийстве пациентов (минимум 218 человек); в 2000 г. был приговорен к пожизненному заключению и спустя четыре года повесился в камере тюрьмы Уэйкфилд в Западном Йоркшире.

¹⁰ Дэвид Олувале (1930–1969) – британский гражданин, эмигрант из Нигерии, жил в Лидсе, много лет был бездомным, регулярно оказывался жертвой полицейской жестокости, которая в итоге и привела к его смерти. Обвиняемые сержант Кеннетт Китчинг и инспектор Джефффри Эллеркер в 1971 г. были приговорены к тюремному заключению за жестокое обращение (обвинение в расизме на суде не выдвигалось, а обвинение в непредумышленном убийстве было снято в ходе слушаний).

сы», Трейси в пятнадцать бросила школу, поступила на курсы, обучилась стенографии и машинописи и тут же пошла секретаршей в контору Монтегю Бёртона – манила взрослая жизнь.

– Вы умненькая девочка, – сказал сотрудник отдела кадров, предлагая ей сигарету. – Далеко пойдете. Сегодня помсек, а завтра, кто знает, может, и д. м. н.

Она не знала, что такое «д. м. н.». Насчет «помсека» тоже сомневалась. Кадровик так и ел ее глазами.

Шестнадцать лет, никогда не целовалась с мальчиком, никогда не пила вино, даже «Синюю монахиню». Никогда не пробовала авокадо, не видала баклажан, не летала на самолете. Тогда все было иначе.

Купила в «Итаме» твидовое пальто до пят и новый зонтик. Готова ко всему. Дальше можно и не готовиться. Спустя два года очутилась в полиции. К такому не подготовишься. «Прощай, детка».

Трейси боялась, что никогда не уйдет из дома. Вечера проводила с матерью перед телевизором, а отец между тем напивался – культурно – в местном клубе консерваторов. Трейси и мать ее Дороти смотрели «Шоу Дика Эмери»¹¹, или «Стептоу и сын»¹², или как Майк Ярвуд¹³ пародирует Степ-

---

¹¹ Ричард Гилберт (Дик) Эмери (1915–1983) – английский актер, комик; телевизионное «Шоу Дика Эмери» (*The Dick Emery Show*) шло на канале Би-би-си с 1963 по 1981 г.

¹² «Стептоу и сын» (*SteptoeandSon*, 1962–1974) – британский телесериал Рэя Гэлтона и Алана Симпсона о двух лондонских старьевщиках, циничном отце и

тоу и его сына. Или Эдварда Хита¹⁴ – у него плечи ходили вверх-вниз. Загрустил, наверное, Майк Ярвуд, когда премьером стала Маргарет Тэтчер. Все загрустили. И вообще, что хорошего в пародистах?

Живот урчал, как тепловоз. Трейси неделю жила на творожно-грейпфрутовой диете. Любопытно, может ли толстячка подохнуть от голода?

– Господи Иисусе, – прохрипел Аркрайт, когда они наконец добежали до пятнадцатого этажа. Стоит, согнулся пополам, руками в колени уперся. – Я раньше крыльевым форвардом был, представляешь?

– Ага, а теперь ты просто пожилой боров, – сказала Трейси. – Какая квартира?

– Двадцать пятая. По коридору до конца.

Соседи позвонили, анонимно пожаловались на дурной запах («кошмарную вонь») из квартиры.

– Небось крысы дохлые, – сказал Аркрайт. – Или кошка. Помнишь собак в Чепелтауне? А, нет, девонька, это еще до тебя.

– Слыхала. Мужик уехал, еды им не оставил. Они потом сожрали друг друга.

его сыне-идеалисте.

¹³ Майк Ярвуд (р. 1941) – британский комик и пародист, звезда британского телевидения 1960–1970-х.

¹⁴ Сэр Эдвард Ричард Джордж (Тед) Хит (1916–2005) – британский политик, лидер партии консерваторов (1965–1975) и премьер-министр Великобритании (1970–1974).

– Они не жрали друг друга, – сказал Аркрайт. – *Одна сожрала другую.*

– Ну ты педант.

– Чего? Нахалка ты растакая!.. Опля, пришли. Ебать-колотить, Трейс, вот это вонища. Досюда добивает.

Треysi Уотерхаус пальцем вдавила кнопку звонка и подержала. Скосила глаза на уродливые черные форменные ботинки на шнуровке, пошевелила пальцами в уродливых черных форменных колготках. Большой палец уже вылез в дырку, и дорожка взбиралась к мощному колену. С такими ногами только в футбол играть.

– Наверняка старик какой-нибудь, которую неделю там лежит, – сказала она. – Ненавижу их, сил нет.

– Я ненавижу этих, которые под поезда прыгают.

– Деток мертвых.

– Да уж. Хуже нету, – согласился Аркрайт.

Мертвые дети – неузвзимый козырь, всегда выигрывает.

Треysi сняла палец со звонка и покрутила дверную ручку. Заперто.

– Господи, Аркрайт, там жужжит. Уж явно никто не встанет и не выйдет вон.

Аркрайт заколотил в дверь:

– Эй, полиция, кто-нибудь дома? Бля, Треysi, ты слышишь?

– Мухи?

Кен Аркрайт нагнулся и заглянул в щель почтового ящи-

ка:

– Ах ты ж!..

Он так шарахнулся от двери, что Трейси подумала – ему в глаза чем-то прыснули. С сержантом такое приключилось пару недель назад: попался псих с брызгалкой, отбеливателем пшикнул. Всем расхотелось через почтовые ящики заглядывать. Но Аркрайт тотчас опустился на корточки, снова толкнул крышку ящика и заговорил ласково, будто с дерганой собакой:

– Все в порядке, все хорошо, теперь все хорошо. А мама дома? А папа? Мы тебе поможем. Все хорошо. – Он встал и приготовился плечом вышибить дверь. Потоптался, выдохнул через рот и сказал Трейси: – Приготовься, девонька, сейчас будет грязно.

* * *

Полгода назад

Пригород Мюнхена, холодно, скоро вечер. Крупные снежные хлопья белым конфетти лениво опускаются на землю, оседают на капоте безликой немецкой машины.

– Красивый дом, – сказал Стив. Наглый типчик, слишком много болтает. Вряд ли его по правде зовут Стивом. – Большой, – прибавил он.

– Да, красивый большой дом, – согласился он – в основ-

ном чтобы Стив закрыл рот.

Красивый, большой и, увы, окружен другими красивыми большими домами, стоит на улице, где соседи бдят, а по стенам блестящие карбункулы охранных сигнализаций. У пары-тройки самых красивых, самых больших домов – автоматические ворота, а на оградах видеокамеры.

Первый раз – рекогносцировка, второй раз – обращаешь внимание на детали, третий – делаешь дело. Сейчас третий.

– Конечно, чуток слишком германский на мой вкус, – сказал Стив. Как будто полный каталог европейской недвижимости листает.

– Может, отчасти тут дело в том, что мы в Германии, – сказал он.

– Я ничего против немцев не имею, – сказал Стив. – В *Deuxième*¹⁵ была парочка. Приятные ребята. Хорошее пиво, – прибавил он, поразмыслив. – И сосиски ничего.

Стив говорил, что служил в британских ВДВ, демобилизовался, понял, что жить на гражданке не в силах, и вступил во Французский иностранный легион. *Думаешь, что крутой, а потом узнаёшь, что такое крутой на самом деле.*

Ну да. Сколько раз он это слышал? В свое время сталкивался с ребятами из легиона – бывшие военные, сбежали от смертоубийственной гражданской жизни, дезертировали от разводов и исков об отцовстве, слиняли от скуки. Все убега-

---

¹⁵ Второй (*фр.*) – имеется в виду 2-й парашютно-десантный иностранный полк Французского иностранного легиона.

ли от чего-нибудь, и все не то чтобы изгой, которыми себя мнили. Уж Стив-то явно. Прежде они вместе не работали. Он, конечно, чуток дурачок наивный, но ничего, внимательный. Не курит в машине, всякую лабуду по радио не слушает.

Тут есть дома – точно пряничные домики, вплоть до снежной глазури по кромкам канав и крыш. Он видел пряничный домик на рынке *Christkindl*¹⁶, где накануне они провели весь вечер – бродили по Мариенплац, пили *Glühwein*¹⁷ из рождественских кружек, как ни посмотри – обыкновенные туристы. За кружки пришлось оставить залог, и на этом основании свою он унес к себе в номер в «Платцле». Дома подарит Марли, хотя дочь, пожалуй, будет воротить нос, а то и хуже – равнодушно поблагодарит и больше на кружку не взглянет.

– Это ты в Дубае работал? – спросил Стив.

– Ага.

– Я так понял, не выгорело?

– Ага.

Из-за угла вывернула машина, и оба инстинктивно глянули на часы. Машина проскользила мимо. Не та машина.

– Не они, – избыточно отметил Стив.

Есть и плюсы: они в длинном проезде, который сворачивает прочь от ворот, с дороги дом не видно. И вдоль проезда густо растут кусты. Ни лампочек охранной сигнализации, ни датчиков движения. Темнота – друг секретной операции. Не

---

¹⁶ Младенец Христос (нем.).

¹⁷ Глинтвейн (нем.).

сегодня – сегодня работаем при свете. Не ярком и не белом – ото дня остался один окурок. Сумерки дня¹⁸.

Из-за угла вывернула машина – на сей раз та.

– А вот и малышка, – пробормотал Стив.

Пять лет, прямые черные волосы, карие глазищи. Понятия не имеет, что с ней сейчас произойдет. *Пакистанка*, звал ее Стив.

– Египтянка. Наполовину, – уточнял он. – Зовут Дженнифер.

– Я не расист.

Но.

Снег опускался, трепеща, на миг лип к ветровому стеклу и таял. Ни с того ни с сего он вдруг вспомнил, как его сестра входит в дом, смеется, смахивает лепестки с одежды, встряхивает из прически. Ему казалось, в городе, где они выросли, не встретишь ни деревца, и, однако же, в воспоминании сестра была как невеста, ливень лепестков – словно розовые отпечатки пальцев на черной вуали ее волос.

Машина свернула в проезд и исчезла из виду. Он повернулся к Стиву:

– Готов?

---

¹⁸ «Сумерки дня» (*Dimming of the Day*, 1975) – песня английского фолк-рок-музыканта, гитариста и автора песен Ричарда Томпсона (р. 1949) с «суфийского» альбома Ричарда и Линды Томпсон «Излейся серебром» (*Pour Down Like Silver*); впоследствии неоднократно перепевалась другими исполнителями, в том числе американской блюзовой певицей Бонни Рейтт, ирландской певицей Мэри Блэк и английским рок-музыкантом Дэвидом Гилмором.

- Заряжен и взведен, – ответил тот, заводя мотор.
- Не забудь: няню не трогаем.
- Если не придется.

* * *

Среда

– Гляди в оба, драконья особа.

– Где?

– Да вон. Мимо «Грегтса» идет. – Грант ткнул в лицо Трейси Уотерхаус на мониторе.

На посту охраны вечно духота. Снаружи май, прекрасная погода, а здесь – как на подводной лодке, которая давно не всплывала. Скоро обед, магазинным ворах самое раздолье. Полиция носится туда-сюда весь день, что ни день. Вот сейчас двое пошли, при полной экипировке – громоздкие портупеи, противоножевые жилеты, летние рубашки, – «провожают» из «Пикокса» женщину с сумками, набитыми одеждой, за которую она не заплатила. Лесли таращилась в мониторы, и ее клонило в сон. Иногда она смотрела сквозь пальцы. Не все ведь, говоря строго, преступники.

– Ну и неделька, – сказал Грант и по-дурацки скривился. – В школах каникулы, банковские выходные. Нам достанется по самое не хочу. Грядет кровопролитие.

Грант яростно мят зубами «никоретт», как будто от смер-

ти спасался. На галстукe пятно. Лесли хотела ему сказать. Потом передумала. Похоже на кровь, но, скорее всего, кетчуп. У Гранта не прыщи, а радиоактивная угроза. Лесли хорошенькая, миниатюрная, дипломированный инженер-химик, окончила Университет королевы Виктории в Кингстоне, Онтарио, и работа в охране «Меррион-центра» в Лидсе – краткий, не сказать чтобы неприятный поворот в ее жизни. Она была, как выражались ее родные, в мировом турне. В Афинах побывала, в Риме, во Флоренции, в Ницце, Париже. На весь мир не хватило. Заехала в Лидс к родственникам и решила подзадержаться на лето, сойдясь с аспирантом-философом по имени Доминик, который работал в баре. Познакомилась с его родителями, поужинала у них. Мать Доминика разогрела ей персонально «вегетарианскую лазанью» из «Сейнсбериз», а остальные ели курицу. Мать была настороже, беспокоилась, что Лесли увезет ее сыночка на далекий материк и все внуки заговорят с акцентом и станут вегетарианцами. Лесли хотела ее утешить: мол, это просто курортный роман, но это матери, наверное, тоже не понравилось бы.

«Лесли, через „с“», – то и дело твердила она в Англии, потому что все норовили произносить через «з». «Неужели?» – спросила мать Доминика, будто Лесли и сама – фонетическая ошибка. Лесли вообразила, как приводит Доминика к себе домой, знакомит с родителями, как они смотрят сквозь него. Она скучала по дому, по пианино «Мейсон и Риш» в углу, по брату Ллойд, по старому золотистому ретриверу

Холли и кошке Варезке. Не обязательно в таком порядке. На лето родители снимали коттедж на озере Гурон. Эту жизнь Гранту не объяснишь. Не очень-то и хотелось. Грант все время пялился на нее, когда думал, будто она не видит. За секс с нею продаст душу. Даже смешно, ну в самом деле. Она скорее ножики себе в глаза воткнет.

– Проходит «Мир тренировок», – отметил Грант.

– Трейси нормальная, – сказала Лесли.

– Она нацистка.

– Никакая не нацистка.

Лесли поглядывала на группу юнцов в толстовках – те шныряли у оптики «Рейнер». Один нацепил страшную хеллоуинскую маску. Ухмыльнулся в лицо какой-то старухе, та вздрогнула.

– Мы всегда преследуем по закону, – пробормотала Лесли. Как будто пошутила в узком кругу.

– Опля, – сказал Грант. – Трейси заходит в «Торнтонс». Хочет, наверное, рацион разнообразить.

Она нравилась Лесли – с Трейси всегда понятно, что к чему. Лапши на уши не вешает.

– Свинья жирная, одно слово, – сказал Грант.

– Она не жирная, просто крупная.

– Ага, все так говорят.

Лесли была маленькая и тоненькая. Роскошная девка, считал Грант. Особенная. Не то что кой-какие местные оторвы.

– Точно не хочешь выпить после работы? – Он никогда не терял надежды. – По коктейльчику в центре. Изысканный бар для изысканной дамочки.

– Опля, – сказала Лесли. – В «Кибергород» какие-то сомнительные дети зашли.

* * *

Трейси Уотерхаус вышла из «Торнтонса», набив фуражом большую уродливую сумку, которую носила, как патронташ, поперек обширной груди. Венские трюфели, угощение по средам. Обрыдаться. Люди вечерами ходят в кино, в рестораны, в пабы или клубы, к друзьям, занимаются сексом, а Трейси предвкушает, как свернется в клубок на диване, будет смотреть «В Британии есть таланты»¹⁹ и закусывать венскими трюфелями из «Торнтонса». И цыпленком бхуна, которого захватит по дороге домой, а потом зальет банкой-другой «Бекса». Или тремя банками, или четырьмя, хоть сегодня и среда. Завтра в школу. Сорок лет с гаком, как Трейси бросила школу. Когда она в последний раз ела с кем-нибудь в ресторане? Тот мужик из службы знакомств, пару лет назад, «У Дино» на Бишопгейт? Она помнила, что ела – чесночный

---

¹⁹ «В Британии есть таланты» (*Britain's Got Talent*, с 2007) – британское шоу, созданное Саймоном Кауэллом, конкурс талантов (танцоров, певцов и т. д.); победитель получает, помимо прочего, возможность выступить перед королевой Великобритании и членами королевской семьи.

хлеб, спагетти с тефтелями, а потом крем-карамель, – но не помнила, как звали мужика.

– Ты необъятная девочка, – сказал он в начале, когда они встретились в баре «У Уайтлока».

– Ага, – ответила она. – Хочешь объять? – Скажем прямо, дальше было только хуже.

Она нырнула в «Супераптеку» за эдвилом от завтрашней головной боли после «Бекса». Девушка за прилавком на нее и не взглянула. Обслужила с гримасой²⁰. Украсть из «Супераптеки» – раз плюнуть, куча полезных мелочей, можно кинуть в сумку или в карман – губная помада, зубная паста, шампунь, «тампакс», – неловко даже упрекать людей в том, что воруют: сами же, по сути, приглашаете. Трейси глянула на видеокамеры. Она знала, что в отделе «Уход за ногтями» – слепое пятно. Можно набрать добра на год маникюров, а никто и не догадается. Она осмотрительно прикрыла сумку рукой. В сумке два конверта с двадцатками – в общей сложности пять тысяч фунтов, – которые она только что сняла со счета в Йоркширском банке. Хотела бы она посмотреть на того, кто попробует их стырить, – она размажет его по стенке голыми руками. Что толку иметь вес, рассуждала Трейси, если им не пользоваться?

Деньги причитаются Янеку – он расширяет кухню в таунхаусе, который Трейси купила, продав родительское бунгало

---

²⁰ Вопреки названию романа английского писателя Пэлама Грэнвила Вудхауса (1881–1975) «Обслуживание с улыбкой» (*Service with a Smile*, 1961).

в Брэмли. Какое счастье, что они наконец умерли, с разницей в несколько недель, телом и рассудком давно прозевав срок годности. Оба дотянули до девяноста – Трейси уже заподозрила, что они пытаются ее пережить. Состязательный дух в них вообще был силен.

Янек приступал к работе в восемь утра, заканчивал в шесть, работал по субботам – поляк, что тут скажешь. На двадцать лет моложе Трейси и дюйма на три ниже, но стыдно признаться, до чего ее к нему тянет. Такой аккуратный, такой воспитанный. Каждое утро Трейси оставляла ему чай, кофе и тарелку печенья под пленкой. Когда возвращалась, все печенья были съедены. От этого казалось, что она желанна. С пятницы Трейси в отпуске на неделю, и Янек обещал, что к ее возвращению все будет закончено. Трейси не хотела, чтобы все было закончено, – нет, хотела, конечно, сил уже никаких нет, но не хотела, чтобы *он* закончил.

Может, он останется, если попросить отремонтировать ванную? Янек рвался домой. Сейчас все поляки разъезжались по домам. Кому охота жить в обанкротившейся стране? До падения Берлинской стены их было жалко, теперь завидки берут.

Все коллеги Трейси, мужчины и женщины, считали, что она лесба. Сейчас ей за пятьдесят, а в те времена, когда она, салага, поступила в полицию Западного Йоркшира, там выживали только парни. К несчастью, если убедить всех, что ты здравомыслящая сука, трудно потом показать, до чего мяг-

кая и пушистая женщина прячется у тебя внутри. Да и зачем показывать-то?

К пенсии Трейси нарастила такой панцирь, что внутри почти не осталось места. Проституция, преступления на сексуальной почве, торговля людьми – жестокая правда отдела по наркотикам и тяжким преступлениям; она видела все это и многое другое. Если изо дня в день наблюдать человечество с его чернейшей стороны, всему пушистому и мягкому неизбежно настанет капут.

Трейси так давно работала, что во времена, когда Питер Сатклифф еще шастал по улицам Западного Йоркшира, уже была скромным патрульным. Она помнила страх – сама боялась. Компьютеров не было – расследования тонули в бумажных морях.

– Не было компьютеров? – спросил один молодой и нахальный коллега. – Ух ты, юрский период.

И он прав – она из другой эпохи. Надо было уйти раньше, но она держалась, не зная, чем заполнять долгие пустые дни. Поспать, поесть, защитить, повторить – такую жизнь она понимала. Все только и долдонили о тридцати годах – уходи, смени работу, наслаждайся пенсией. Работаешь дольше – слывешь болваном.

Трейси предпочла бы умереть на посту, но понимала, что пора уходить. Была детективом-суперинтендантом, стала «полицейским-пенсионером». Чистый Диккенс – ей бы теперь в рабочий дом, сидеть в углу, кутаясь в замурзанную

шаль. Думала было пойти добровольцей в какую-нибудь организацию, что наводит порядок после катастроф и войн. В конце концов, она ведь только этим всю жизнь и занималась. В итоге пошла в «Меррион-центр».

На отходной попойке ей подарили ноутбук и купонов в салон красоты на две сотни фунтов – в спа «Водопад» в Бруэри-Уорф. Приятный сюрприз – ей даже польстило, что они считают, будто она ходит по салонам красоты. Ноутбук у нее уже был, и она знала, что подарок – один из бесплатных ноутов, которые раздавали в «Карфоун Уэрхаус», но ведь важно внимание.

«Новое начало», – сказала себе Трейси, возглавив охрану «Меррион-центра», пора меняться; она не просто сменила дом, но воском удалила усы, отрастила плавную прическу, накупила блузок с бантиками и перламутровыми пуговицами и туфель на низкой шпильке к неизменному черному костюму. Толку чуть, разумеется. Тут никакие купоны в салон красоты не помогут – люди по-прежнему считали ее старой лесбой и бой-бабой.

Трейси любила быть поближе к покупателям. Она шагала мимо «Моррисонза», мимо пустоты, где раньше был «Вулвортс», мимо «Паундстретчера» – таковы розничные предпочтения люмпен-пролетариата. Есть в этом бездушном месте хоть один счастливый человек? Может, Лесли, хотя она карт не раскрывает. У нее, как и у Янека, жизнь протекает не

здесь. Хорошо, наверное, в Канаде. Или в Польше. Может, эмигрировать?

Тепло сегодня. Хорошо бы погода продержалась до конца отпуска. Неделя в коттедже, прелестные пейзажи. Трейси – член Национального фонда. Вот что бывает, когда стареешь, а в жизни ничего путного, – вступаешь в Национальный фонд или в «Английское наследие», в выходные бродишь по чужим садам и домам, скучаешь, глаза на руины, пытаешься вообразить, каковы они были прежде, – как в этих холодных каменных стенах стряпали, мочились, молились давно умершие монахи. И все время одна – ну еще бы. Пару лет назад Трейси вступила в «социальный клуб одиноких». Люди среднего возраста и класса, у которых нет друзей. Прогулки, уроки живописи, экскурсии в музеи – все очень степенно. Она надеялась, что, может, приятно будет по выходным выезжать куда-нибудь с другими людьми, но не сложилось. Все время только и думала, как бы от них сбежать.

Мир катится в тартарары, подпрыгивая на ухабах. «Часовая клиника», «Коста-кофе», «Хозтовары Уилкинсона», «Уомслиз», «Герберт Браун» («Одолжи и растрянжирь», самое то для ростовщика, извечного друга низших слоев). Вот она, человеческая жизнь, – как на ладони. Великобритания – столица европейских магазинных воров, каждый год два миллиарда фунтов с лишним улетает на «естественную убыль» – нелепый термин, обозначающий натуральное воровство. И цифра удваивается, если прибавить стоимость

всего, что тибрят сотрудники. Уму непостижимо.

Вы представьте, сколько голодных детей можно накормить и обучить на эти пропавшие деньги. Но это ведь не деньги, да? Не настоящие деньги. Нет больше настоящих денег – это продукт коллективной фантазии. А теперь давайте все похлопаем в ладоши и поверим... Разумеется, с пяти тысяч фунтов, что лежат у нее в сумке, налоговикам тоже ничего не перепадет, но скромное уклонение от налогов – право всякого гражданина, а вовсе не преступление. Преступления бывают разного сорта. Преступлений иного сорта Трейси навидалась, и все на «п» – педофилия, проституция, порнография. Торговля людьми. Купля-продажа – больше люди ничем и не занимаются. Можно купить женщин, детей – что угодно. Западная цивилизация неплохо тикала, а теперь выкупила себя подчистую до полного несуществования. Любая культура устарела от рождения, так? Ничто не вечно. Кроме, наверное, бриллиантов, если песня не врет²¹. И вероятно, тараканов. У Трейси никогда не было бриллиантов и, скорее всего, не будет. На материном обручальном кольце сапфиры, мать с ним не расставалась – кольцо ей надел отец Трейси, когда делал предложение, а снял гробовщик. Трейси отдала кольцо ювелиру на оценку – две тысячи фунтов, меньше, чем она надеялась. Попыталась натянуть кольцо на мизинец – не

---

²¹ Имеется в виду песня Джона Барри «Бриллианты навсегда» (*Diamonds Are Forever*) из одноименного фильма о Джеймсе Бонде (1971), последнего фильма бондианы с Шоном Коннери в главной роли; исполнялась английской певицей Ширли Бэсси.

налезло. Валяется где-то в трюме. Она купила в «Эйнслиз» пончик, запихала в сумку на потом.

Она засекла женщину в дверях «Рейнера» – вроде знакомое лицо. Похожа на ту мадам, у которой был домашний бордель в Кукридже. Трейси проводила там облаву, когда еще носила форму, задолго до того, как познала все ужасы полиции нравов. Очень по-домашнему – своих «джентльменов» мадам угощала бокалом хереса и орешками на блюдечках, а затем «джентльмены» отправлялись наверх – унижать и оскорблять за кружевными занавесочками. В бывшем угольном подвале у мадам было подземелье. Там такое обнаружилось – Трейси аж замутило. Девочки глядели равнодушно – уже ничему не удивлялись. Лучше в доме, за кружевными занавесочками, чем на улице. Прежде к проституции женщин толкала нищета, теперь наркотики. На улицах не сыщешь девчонку, которая не ширяется. «Купимобильность», «Аксессуары Клэр». В «Греггсе» она добыла себе на обед сосиску в тесте.

Мадам давным-давно померла – с ней приключился инсульт в «Городском варьете Лидса», на съемках «Старых добрых времен»²². Вся такая разодетая по-эдвардиански, сидит в кресле мертвая. До самого конца никто не заметил.

---

²² «Старые добрые времена» (*The Good Old Days*, 1953–1983) – развлекательная программа Би-би-си, в которой воссоздавалась обстановка викторианского и эдвардианского мюзик-холла и исполнялись песни и скетчи того периода, при этом актеры и зрители были в соответствующих костюмах. Съемки шоу проходили в «Городском варьете Лидса».

Может, и засняли. Тогда показывать по телевизору трупы не полагалось – сейчас, наверное, показали бы.

Нет, не призрак мертвой мадам – это та актриса из «Балкера». Вот почему лицо знакомое. Играет мать Винса Балкера. Трейси «Балкера» не любила – ерунда на ерунде. Она предпочитала «Закон и порядок: Специальный корпус»²³. Актриса, похожая на кукриджскую мадам, была старше, чем на экране. Не макияж, а месиво, будто красилась без зеркала. На вид – чистая сумасбродка. Явно в парике. Может, у нее рак. Дороти Уотерхаус, мать Трейси, умерла от рака. Отмечаешь девятидесятилетний юбилей, – казалось бы, можно и от старости помереть. Врачи заговаривали о химиотерапии, но Трейси сочла, что нечего тратить ресурсы на дряхлую старуху. Размышляла, удастся ли незаметно нацепить матери браслет «не реанимировать», но тут мать всех удивила, вправду скончавшись. Трейси так ждала этой минуты, что даже не обрадовалась.

Дороти Уотерхаус хвасталась, что отец Трейси никогда не видел ее без макияжа, – это с чего бы? Трейси казалось, матери отец никогда не нравился. Та была слишком занята – изображала Дороти Уотерхаус. Гробовщику Трейси велела оставить мать *au naturel*²⁴.

---

²³ «Закон и порядок: Специальный корпус» (*Law & Order: Special Victims Unit*, с 1999) – американский детективный сериал о работе полицейского подразделения, расследующего преступления на сексуальной почве, с Маришкой Харгитей в главной роли.

²⁴ В натуральном виде (*фр.*).

– Что, даже помады ни капельки? – спросил он.

Повсюду электричество. Все блестит и сверкает. Много лет миновало с тех пор, когда все делалось из дерева, а освещалось камином и звездами. Трейси увидела свое отражение в витрине «Римана» – распахнутые глаза женщины, падающей в пропасть. Женщины, которая тщательно собрала себя с утра, а к вечеру постепенно распадается. Юбка измялась на бедрах, мелированные пряди – будто латунные, пивной живот выпирает пародией на беременность. Выживание жирнейшего.

Руки опускаются. Трейси сняла пушинку с пиджака. Дальше будет только хуже. «Сфоткай меня», «Бесценно», «Сэндвичи Шейлы». Где-то плакал ребенок – типичная композиция в музыкальном сопровождении всех торговых центров мира. Вот детский плач до сих пор умел раскаленной иглой пронзить ее панцирь. Апатичные подростки в толстовках ошивались у входа в «Кибергород», толкали и пихали друг друга – это им заменяло остроумие. Один в хеллоуинской маске – пластмассовый череп вместо лица. На миг Трейси сделалось не по себе.

Она бы зашла в магазин вслед за этой молодежью, но ребенок вопил все ближе и отвлекал. Слышно ребенка, но не видно. Его страдания пугали. От них лопалась голова.

*Жалеть – о чем жалеть?*²⁵ Да вообще-то, есть о чем.

---

²⁵ Цитата из песни «По-своему» (MyWay, 1968); стихи написаны канадским автором песен и исполнителем Полом Анкой на мелодию французской песни

Жаль, что не нашла человека, который оценил бы ее по достоинству, жаль, что не родила, не научилась одеваться по-лучше. Жаль, что не доучилась в школе, – может, взяла бы и защитила степень. Медицина, география, история искусств. Ну, все как обычно. По сути, она как все – хочет кого-нибудь любить. Еще лучше, если тебя любят в ответ. Трейси подумывала завести кошку. Хотя, вообще-то, кошек не любила. М-да, проблема. Зато обожала собак – нормальных умных собак, а не этих дурацких комнатных шавок, которые в ридикюль помещаются. Может, немецкую овчарку – прекрасно, лучший друг женщины. Никакой сигнализации не переплюнуть.

А, ну да – Келли Кросс. Келли Кросс – вот почему кричал ребенок. Неудивительно. Келли Кросс. Проститутка, наркоша, воровка, натуральная цыганка. Тоща, как швабра. Трейси ее знала. Да ее все знали. У Келли несколько детей, в основном розданы под опеку, и этим еще повезло, что кое о чем говорит. Келли сломя голову мчалась по центральному коридору «Меррион-центра» и расплескивала гнев, будто ножами пырjala. Поразительно, какая от нее прет мощь, – маленькая ведь совсем и худая. В майке-алкоголичке, обнажавшей со вкусом расставленные синяки – бедняцкие подарки – и набор тюремных татуировок. На предплечье – грубо на-

---

«Как всегда» (*Commed'habitude*, 1967) Клода Франсуа, Жака Рево и Жилия Тибо; была спета Фрэнком Синатрой, считается наиболее часто исполняемой песней в истории поп-музыки.

рисованное сердце, пронзенное стрелой, и инициалы «К» и «С». Любопытно, кто этот невезучий «С». Келли говорила по телефону, орала на кого-то. Почти наверняка что-нибудь сперла. У этой женщины практически нулевые шансы выйти из магазина с настоящим кассовым чеком.

Она тащила за собой ребенка, рискуя оторвать ему руку, потому что за яростным шагом Келли детка не поспевала. Ну вы сами представьте: недавно ходить научились, а вас заставляют бегать по-взрослому. Временами Келли вздергивала девочку с пола, и та на миг взлетала. Вопя. Непрерывно. Раскаленные иглы сквозь панцирь. В барабанные перепонки. В самый мозг.

Покупатели расступались перед Келли Кросс, точно Красное море пред нечестивым Моисеем. Многие ужасались, но ни у кого духу не хватало хоть слово сказать этой исступленной женщине. Их можно понять.

Келли вдруг встала столбом, и девочка по инерции пробежала вперед, как на резинке. Келли от души хлопнула ее по попе – девочка взлетела опять, будто на качелях, – и, ни слова не сказав, ринулась дальше. Трейси услышала неожиданно громкий голос – женщина, средний класс:

– Кто-то ведь должен помочь.

Поздно. Келли уже пронеслась мимо «Моррисонза» и наружу, на Вудхаус-лейн. Трейси заспешила следом, галопом, стараясь не отстать, и, когда догнала на автобусной остановке, легкие уже готовы были взорваться. Господи боже, когда

ж это она форму потеряла? Вероятно, лет двадцать назад. Надо бы выкопать из коробок в пустой комнате старые пленки Розмари Конли²⁶.

– Келли... – прохрипела она.

Келли развернулась, рывкнула:

– А тебе какого хуя?

Уставилась на Трейси, и в зверском лице мелькнул слабый проблеск узнавания. Трейси видела, как крутятся шестеренки; наконец они выщелкнули слово «полиция». Отчего Келли еще больше разъярилась, хотя, казалось бы, куда больше?

Вблизи она выглядела совсем плохо – вислые волосы, серая трупная кожа, налитые кровью вампирские глаза и наркоманская нервозность; хотелось попятиться, но Трейси не отступила. Заплаканная малолетняя замухрышка прекратила рыдать и уставилась на Трейси, отвесив челюсть. Физиономия получилась недоразвитая – наверное, просто аденоиды. Из носа гусеницей выползала зеленая сопля – это девочку тоже не красило. Три года? Четыре? Трейси не умела на взгляд определять детский возраст. Может, надо по зубам, как у лошадей? Зубы маленькие. Одни больше, другие меньше. Трейси бросила гадать.

Девочку одели в розовое всевозможных оттенков, а на спину привесили розовый рюкзачок, который торчал, как морская уточка; в целом ребенок походил на помятую зефи-

---

²⁶ Розмари Джин Нил Конли (р. 1946) – английская предпринимательница, автор книг, телеведущая, пропагандист физкультуры и здорового образа жизни.

рину. Кто-то – уж явно не Келли – попытался заплести ей жидкие косички. Только розовый цвет и косички сообщали, что она девочка, – по бесформенным андрогинным чертам так сразу и не поймешь.

Маленький угловатый ребенок, но в глазах что-то мерцает. Вероятно, жизнь. Треснула, но не разбилась. Пока. Каковы ее шансы с такой матерью? Ну вот по-честному? Келли не отпускала девочкину руку – не держала, а стискивала, словно боялась, что ребенок вот-вот улетит.

Подъезжал автобус, мигал, притормаживал.

Что-то в Трейси подалось. Она увидела пустое, но уже замаранное девочкино будущее, и из какого-то шлюзика внутри извергся поток отчаяния и разочарования. Трейси не поняла, как это случилось. Вот она стоит на автобусной остановке на Вудхаус-лейн, созерцает человеческую руину по имени Келли Кросс, а вот говорит ей:

– Сколько?

– Что – сколько?

– Сколько за ребенка? – Трейси запустила руку в сумку и извлекла один конверт с деньгами для Янека. Открыла, показала Келли. – Здесь три тысячи. Можешь забрать, а ребенка отдай.

Другой конверт, с двумя штуками, она не показала – мало ли, вдруг придется повысить ставки. Однако не пришлось: Келли вытянулась в стойке, точно сурикат. На миг мозг ее отключился, глазки забежали, а потом ее рука цапнула кон-

верт – надо же, стремительная какая. В ту же секунду она отпустила девочкину руку. Потом засмеялась – искренне и радостно, и тут у нее за спиной подкатил автобус.

– Вот спасибоочки, – сказала Келли и запрыгнула на подножку.

Она стояла на площадке, ища мелочь по карманам, и Трейси спросила громче:

– Как ее зовут? Как зовут твою дочь, Келли?

Келли вытянула билетик и ответила:

– Кортни.

– Кортни? – Типичное быдлянское имя – Шантел, Шеннон, Тиффани. Кортни.

Келли развернулась, сжимая билетик в руке.

– Ага, – сказала она. – Кортни. – А потом глянула удивленно, словно у Трейси не все дома. Начала было: – Но она не... – однако двери закрылись, прихлопнув ее слова.

Автобус уехал. Трейси посмотрела вслед. Недоразвитость, а никакие не аденоиды. Накатила паника. Трейси только что купила ребенка. Она стояла не шевелясь, пока теплая и липкая ручонка не заползла в ее ладонь.

– Куда Трейси подевалась? – спросил Грант, разглядывая мониторы. – Как сквозь землю. Лесли пожала плечами:

– Не знаю. Последи вон за пьяным возле «Бутса», ладно?

– Кто-то ведь должен помочь.

Тилли и сама удивилась, когда заговорила. Да еще *так* громко. Решительный средний класс. *Звучи!* Она так и слышала, как ее старая преподавательница по дикции в театральном колледже восклицает: *Звучи! Твоя грудная клетка – колокол, Матильда!* Фрэнни Эндерсон. *Мисс Эндерсон*, никак не фамильярнее. Хребет – как шомпол, английский – как прием у королевы. Тилли до сих пор делала упражнения мисс Эндерсон – *а-о-у-ар-ай-и-ар* – каждое утро, первым делом, еще чаю не выпив. В фулемской квартире, где она жила, стены как бумага – соседи, наверное, считали, что она сбрендила. Больше полувека с тех пор, как Тилли училась на актрису. Все думают, в шестидесятых жизнь только началась, но наивной восемнадцатилетней девчонке из Гулля, прямо со школьной скамьи, кружил голову Лондон пятидесятых. Восемнадцать лет в те времена – моложе нынешних восемнадцати.

В Сохо Тилли делила квартирку с Фиби Марч – теперь, разумеется, дейм²⁷ Фиби, а если забудешь титул, расплата жестока. В Стратфорде Тилли играла Елену, а Фиби – Гермину²⁸; ох, батюшки, это сколько же десятилетий прошло.

²⁷ Дейм – титул обладательницы ордена Британской империи.

²⁸ Елена и Гермия – персонажи комедии Уильяма Шекспира «Сон в летнюю

Начинали-то, понимаешь, на равных, а теперь Фиби играет сплошь английских королев и носит бальные платья да тигары. «Оскары» (за второстепенные роли) и «БАФТЫ»²⁹ из ушей лезут, а Тилли нарядили в передник и шлепанцы, и она прикидывается мамашей Винса Балкера. Гей-гоп.

Да не очень-то на равных. Отец Тилли торговал свежей рыбой в лавке на Земле Зеленого Имбиря – улочке, чье романтическое название с обстановкой не вязалось, – а Фиби, хоть и *называла* себя «девчонкой с севера», сама из землевладельцев – их дом возле Молтона проектировал Джон Карр из Йорка³⁰ – и племянница двоюродной сестры прежнего короля, и у нее огромный дом на Итон-сквер, куда можно сбежать, если в Сохо дела не зададутся. Тилли может таких историй порассказать о Фиби – о *дейм* Фиби – волосы дыбом встанут.

Мисс Эндерсон, конечно, давным-давно умерла. Она не из тех, кто гниет в могиле, грязь разводит. Вернее всего, стала сушеной мумией, безглазой и сморщенной, а весит не больше ветки сухого папоротника. И по-прежнему отменная дикция.

Тилли понимала, что без толку негодовать, страшную табуированную женщину остановит не она. Слишком стара,

---

ночь».

²⁹ «БАФТА» (*BAFTA*) – премия Британской академии кино и телевизионных искусств (*The British Academy of Film and Television Arts*), вручается с 1948 г.

³⁰ Джон Карр (1723–1807) – плодовитый английский архитектор, жил и работал в Йоркшире, в 1770 и 1785 гг. был лорд-мэром Йорка.

слишком толста, слишком медлительна. И напугана. Но кто-то же должен – храбрый кто-нибудь. *Мужчина*. Мужчины уже не те, что прежде. Если прежде были другие. Она заволновалась, заозиралась посреди торгового центра. Милый боженька, сушая преисподняя. Она бы сюда больше ни ногой, но надо было забрать очки в «Рейнере». Она бы и в первый раз не поехала, но помощница продюсера, славная девочка Падма – индианка, славные девочки теперь сплошь азиатки, – записала ее на прием. «Вот, мисс Скуайрз, еще чем-нибудь нужно помочь?» Какая милая. На свои старые очки Тилли села. Легче легкого. А без очков слепа как крот. Трудно водить древний драндулет, когда ничегошеньки не видеть.

И Тилли на столько лет застряла в деревне, что хотелось попасть в город. Хотя, пожалуй, не в этот. В Гилдфорд или Хенли, например, где цивилизация.

На время съемок ее поселили в какой-то глуши. Приглашенная актриса в «Балкере», годичный контракт, в конце ее персонажа убьют, хотя, соглашаясь, она об этом не знала. «Ах, дорогуша, непременно соглашайся, – в один голос твердили ее театральные друзья. – Занятно будет – и подумай, какие деньги!» Деньги – еще бы она не думала про деньги! Нынче она жила только что не впроголодь. В театре уже три года ничего. Сценарии трудные, память не та. Реплики учить – мука мученическая. Раньше-то запросто, когда в восемнадцать начинала в репертуарном. Инженю. (Зубрежка в школе, а то как же, теперь это немодно.) Каждую неделю но-

вая пьеса, помнила все свои реплики и все чужие. Однажды, много лет назад, выучила наизусть «Три сестры», просто доказать, что может, а ведь играла всего-навсего Наташу!

– Слабоумная карга, – услышала она вчера.

Все застилает мглой, это правда. *Над всей Европой гаснут огни*³¹. *Пустите детей и не препятствуйте им*³². Может, найти полицейского? Позвонить 999? Как-то слишком театрально.

В последний раз на телевидении она играла в «Несчастном случае»³³ – обаятельную бабушку, которая в войну была зенитчицей, а умерла от переохладения в многоэтажке, отчего другие персонажи обильно заламывали руки (*Как это могло случиться в наши дни? Эта женщина защищала свою страну*. И так далее). Тилли, конечно, для этой роли слишком молода. В войну была маленькой, помнила только отдельные ужасы – мать гонит ее в убежище среди ночи, внутри пахнет сырой землей. Гуллиу в войну сильно досталось.

Отец со своим плоскостопием сидел в службе продовольственного снабжения. Все равно в войну рыбой не поторгуешь – траулеры реквизирует ВМФ. Те, что еще рыбачили, подрывались на минах, и тела рыбаков погружались в ледя-

---

³¹ Считается, что эту фразу произнес британский политик, министр иностранных дел (1905–1916) сэр Эдвард Грей (1862–1933) накануне Первой мировой войны.

³² Мф. 19: 14.

³³ «Несчастный случай» (*Casualty*, с 1986) – долгоиграющий британский сериал о работе отделения скорой помощи.

ные воды. *В глазницах жемчуг замерцал*³⁴. В школе она была Мирандой. *А играть на сцене ты не думала?* Директриса считала, что больше Тилли ни на что не годна. *Тебя же науки не привлекают, правда, Матильда?*

Жалко, что она поздно родилась, не успела повоевать, не была храброй молодой зенитчицей.

Продюсеры «Балкера» заарканили ее в «Клубе при „Плюще“» за коктейлем под названием «Звездочка», что само по себе насторожило Тилли – ее чопорная мать так называла женские гениталии. Тилли больше нравилось слово «вагина» – похоже на девочку-зубрилу или новооткрытую землю.

Когда Тилли увидела ее в первый раз, девочка скакала, распевая «Вспыхни, звездочка, мигни»³⁵. Всемирный детский гимн. Тилли снова вспомнила мать. Девочка сжимала кулачки (какие крошечные!), а на слове «мигни» разжимала – получались как будто морские звездочки. Пела точно, брала ноты идеально, кто-то ведь должен был сказать ее матери, что у малышки талант. Кто-то ведь должен был сказать что-нибудь.

Спустя десять минут бедняжка уже не пела. Мать – зверская тетка с грубо наколотыми татуировками, – прижав к уху

---

³⁴ Уильям Шекспир. Буря, акт I, сц. II. Пер. О. Сороки.

³⁵ «Вспыхни, звездочка, мигни» (*TwinkleTwinkleLittleStar*, 1806) – стихотворение английской поэтессы Джейн Тейлор (1783–1824), популярная детская песенка на мелодию французской песни «Ах, расскажу я, мама» (*Ah! vous dirai-je, Maman*, 1761).

мобильный телефон, орала: «Да заткнись уже нахуй, Кортни, ты меня достала!» Тетка была в ярости – волокла девочку за собой и кричала. Ясно, что случается с такими детьми дома. За закрытыми дверями. Жестокое обращение. Все бутончики задушены, не успеют распуститься.

*Мальши чумазый – в метель, в мороз*³⁶. Это же Блейк, да? Не то чтобы девочка-вспыхни-звездочка была черной. Напротив: как будто в жизни солнца не видала. *На гребне крыши ослеп от слез*. Удивительно, что рахит теперь у детей редок. Может, и не очень. У бабушки Тилли был рахит, осталась детская фотография, единственный ее снимок, студия где-то на блеклой плоскости Восточного Райдинга. *А я бы в бесконечном далеке мечтал о вас на Хамберском песке*³⁷. Ее бабушка, каких-то трех лет от роду, ножки колесом, в ботиночках, – над прошлым сердце кровью обливается. Нельзя изменить прошлое, изменить можно только будущее, а будущее меняется только в настоящем. Говорят. Тилли, кажется, не меняла никогда и ничего. Только разум свой. Ха-ха. *Очень смешно, Матильда*.

Ничего «занятого» в «Балкере» не обнаружилось. Очень занято – торчать на съемочной площадке (по сути дела,

---

³⁶ Цитата из стихотворения английского поэта-метафизика Уильяма Блейка (1757–1827) «Маленький трубочист» (*The Chimney Sweeper*) из сб. «Песни неведения и познания» (1789). Здесь и далее пер. В. Топорова.

³⁷ Цитата из стихотворения английского поэта и государственного деятеля Эндрю Марвелла (1621–1678) «К стыдливой возлюбленной» (*To His Coy Mistress*, 1650-е гг.). Здесь и далее пер. Г. Кружкова.

большой ангар посреди глухомани) в полседьмого утра и мерзнуть как собака. Декорации построили на землях усадьбы такого-то или сякого-то графа либо герцога. Нелепица, однако аристократы нынче только и ищут, как бы деньгу зашибить.

– Декорации на заказ, – сказали ей продюсеры. – Стоят миллионы, доказывают нашу готовность к долгосрочному проекту.

Раньше «Балкер» шел раз в неделю, теперь трижды, поговаривают о четырех. Актеры – что ослики, жернов крутят.

Тилли взяли на роль матери Винса Балкера, чтобы герой стал «человечнее», ранимее. С актером, который играл Винса, Тилли работала и раньше, он тогда подростком был, и теперь она все время звала его настоящим именем, Саймон. Семь дублей сегодня понадобилось, только чтобы попрощаться с ним на крыльце. *До свиданья, Саймон*, шесть раз, на седьмой она просто сказала: «До свиданья, милый».

– Вот, блядь, спасибо, – сказал режиссер (чуть громче, нежели следовало).

Имя («Винс, *Винс*, – бормотал режиссер, – неужели трудно запомнить?») от нее ускользало. Забралось в мозг и там потерялось.

Он славный мальчик, Саймон. Все повторял с ней реплики, утешал: мол, не волнуйтесь. Голубее голубого кита. Все на телевидении знали – и уж как хранили секрет. Обмолвиться – ни-ни, потому как Винсу Балкеру полагается быть эта-

ким мачо. Друг Саймона Марчелло жил вместе с ним, они снимали коттедж – попримечнее, чем у Тилли. Пригласили Тилли поужинать – море джина, – а Марчелло состряпал курицу по-сицилийски. Потом пили отличный ром, мальчики привезли из отпуска на Маврикии, и играли в криббидж. Все трое под роскошной мухой. (Тилли не пьянчуга, как эта ваша дейм.) Чудесный старомодный вечерок.

Она думала, что ее наняли до упора («Моя пенсия», – блаженно бубнила она над третьей «Звездочкой»), а на той неделе сказали, что контракт не продлят и в конце сезона она умрет. Всего несколько недель осталось. Как умрет – не сообщили. Это беспокоило ее – интересное дело, экзистенциальный такой страх, будто Смерть вот-вот выпрыгнет из-за угла, замахнется косой и крикнет: «У-у-у!» Ну, может, не «у-у-у». Тилли надеялась, что Смерть все же посолиднее.

Тилли подмечала, что и сама не слишком готова к долгосрочным проектам. Временами старые часики в груди сжимались жестким узелком, а порой вяло трепетали, птицей рвались из грудной клетки. Она подозревала, что ее альтер эго, бедная старушка Марджори Балкер, погибнет кроваво и изящной кончины в постели ей не видать. И вдруг! Выходит Тилли из «Рейнера» – и вот она, Смерть, в точности такая, какой боялась. Думала, тут же и рухнет замертво – но нет, это просто глупый мальчишка в маске-черепе. Ухмыляется, подпрыгивает, точно скелет на ниточках. Надо бы запретить

такие вещи.

Коттедж «Синий колокольчик». Там Тилли живет. Название явно придумали уже потом. Раньше в коттедже селились батраки. Бедные крестьяне, сплошь грязь и кровь, подыматься ни свет ни заря, скотину в поле выгонять. Тилли играла в Гарди³⁸ – ой, много лет назад, на Би-би-си, много чего узнала тогда о сельскохозяйственных рабочих.

«Мы вам сняли прелестный коттедж, – сказали ей, – обычно его отпускникам сдают». Съёмочную группу рассовали куда попало – в пансионы, дешёвые гостиницы в Лидсе, Галифаксе, Брэдфорде, дома снимали, даже трейлеры. Пусть бы «Трэвелодж» выстроил гостиницу на площадке, и дело с концом. Тилли была бы рада жить в уютной гостинице, трех звезд вполне хватило бы. И ей не сказали, что в коттедже придется жить с Саскией. Да и Саскию, судя по ее лицу, не предупредили. Не то чтобы Тилли имела что-то против лично Саскии. Кожа да кости, ужас какая тощая, живет свежим воздухом и покурками – диета дейм Фиби Марч.

– Вы же не против? – спросила она Тилли, первый раз достав пачку «Силк Кат». – Я только у себя в комнате буду курить и на улице.

– Ради бога, милая, – сказала Тилли. – Вокруг меня всю

---

³⁸ Имеется в виду английский писатель и поэт Томас Гарди (1840–1928), в чьих произведениях действие обычно происходит в деревнях и маленьких городишках.

жизнь курят. – (Удивительно, как она до сих пор жива.)

Не хотелось ссориться с Саскией. Тилли вообще ненавидит ссориться. Странное дело – Саския такая чистюля (прямо одержимая, явно нездорова, в одиночку ведет войну со всеми микробами во вселенной), а курение – такая грязная привычка. Хуже всех, конечно, балерины – эти как выскочат из класса, так сразу давай дымить. Легкие совсем прокопченные. Тилли как-то жила с одной балериной. Это когда Фиби выехала из квартирки в Сохо (1960-й – обеим выдалось ничего себе десятилетие), устремилась дальше, переехала к режиссеру из Кенсингтона, к Дагласу. Вообще-то, он принадлежал Тилли, но Фиби не терпела, когда у Тилли что-то было, а у нее, у Фиби, не было. Очень красивый мужчина. По обе стороны фронта воевал, а то как же. Бывают люди малахольные, как говорят на севере. Фиби попользовалась им и где-то через год бросила. Тилли с Дагласом дружили до конца. Ну, до его конца.

Саския играла подругу Винса Балкера, детектива-сержанта Шарлотту (Чарли) Лэмберт. Вы особо не болтайте, но в мире встречаются актрисы и получше. У Саскии в арсенале было всего две гримасы. Одна – «встревожена» (с вариацией «крайне встревожена»), другая – «раздражена». Бедняжка, очень узкий диапазон; впрочем, как и многие, в телевизоре смотрелась хорошо. Тилли видела ее на сцене в Национальном. Кошмар, чистый кошмар, но никто, похоже, не заметил. Новое платье короля. (И снова тень дейм Фиби.)

Теперь она была в очках и взаправду *видела*, что вокруг творится страшное. Раньше по средам закрывались рано. Отец опускал жалюзи в лавке на Земле Зеленого Имбиря и отправлялся к своей иной таинственной жизни в обществе прочих ротарианцев. И вечно копался в огороде, хотя овощей что-то не вырастало. Теперь рано никто не закрывается, все вечно открыто, *нас манит суеты избитый путь, проходит жизнь за выгодой в погоне*³⁹. И куда все деньги подевались? Засыпаешь в процветающей стране, просыпаешься в нищей – как же так? Куда делись деньги и почему нельзя их вернуть?

Надо выбираться из этого богом оставленного места, продвигаться к автостоянке. «Думаете, вам стоит водить?» – спросил ее помощник режиссера, когда ей несколько раз подряд не удалось задом въехать на парковочное место возле съемочной площадки и ему пришлось парковать ее машину самому. Какой нахал! И к тому же одно дело – *водить*, другое – *парковаться*. Ей всего за семьдесят, в этой старой курице жизни еще – о-го-го.

Высоко над самым миром. Она струсила. Как можно так поступать с ребенком? Совсем ведь кроха. Бедная крохотуля. Шумное старое сердце Тилли разрывалось. Если б у Тилли был ребенок, она бы кутала его в овчинку и носилась бы с

---

³⁹ Цитата из сонета английского поэта-романтика, одного из основоположников «озерной школы», Уильяма Вордсворта (1770–1850) «Нас манит суеты избитый путь...» (*The World Is Too Much with Us; Late and Soon...* 1806). Пер. Г. Кружкова.

ним как с яйцом, гладким и круглым. Она потеряла ребенка, еще в Сохо. Выкидыш, но она никому не сказала. Ну, только Фиби. Фиби, которая уговаривала ее избавиться от ребенка, мол, у нее есть один врач на Харли-стрит. Все равно, говорила, что к зубному сходить. Тилли такое и в страшном сне не приснится. Ребенок прожил в ней почти пять месяцев, угнезвился внутри ореховой соней, а потом она его потеряла. Настоящий уже был ребенок. Сейчас, наверное, спасли бы. «Оно и к лучшему», – высказалась Фиби.

Больше такого не повторялось, – видимо, Тилли избегала. Может, если б она вышла замуж, нашла бы хорошего мужчину, поменьше думала о карьере. Сейчас бы за юбки цеплялось семейство, сильный сын или ласковая дочь, внуки. У нее была бы *жизнь*, она бы не торчала в этой глухомани. Тилли и сама с севера (давно это было), но теперь север ее пугал – что город, что деревня. *С севера* – точно ветер, точно Снежная королева.

Тилли понимала, отчего первые люди решили переселяться из Африки, но вот зачем они пошли дальше ближних графств – убей не понять. Какая она дура, надо было поехать в Харрогит, погулять по одежным лавкам, пообедать «У Бетти». Как же она не сообразила. Ни татуированной тетки, ни бедного ребенка не видать. Подумать страшно, каково этой девочке живется. Надо было помочь, ах как надо было. Тилли ослепла от слез.

В газетном киоске она купила «Телеграф», пачку «Холлс-

Ментолипт» от горла (чтобы связки работали) и батончик «Кэдбери фрукт-энд-нат» себе в утешение. Выходные – это значит не кормят. Тилли любила еду на площадке – обильные жареные завтраки, настоящие пудинги с заварным кремом. Сама она стряпала ужасно, дома жила на тостах с сыром.

Мелочи не нашлось, и она протянула девушке за стойкой двадцатку, однако девушка дала сдачу с десяти.

– Простите, – промямлила Тилли – ругаться невыносимо, – но я вам дала двадцать.

Девушка глянула равнодушно и ответила:

– Вы дали десять.

– Нет-нет, извините, я дала двадцать, – сказала Тилли.

Все нутро от этого спора скрутило в узел. Сколько лет прошло – спасибо отцу. Уж *он-то* никогда не ошибался. Крупный задиристый мужчина, филе трески хлопал на мраморный прилавок, точно урок этой треске преподавал. Да и Тилли получила от него пару уроков. В итоге сбежала, больше не возвращалась на Землю Зеленого Имбиря, в Сохо стала новым человеком, как многие и многие девчонки до нее.

– Я дала двадцать, – мягко повторила она. Накатывала обида. Успокойся, сказала она себе, успокойся. *Дыши, Матильда!*

Девушка за стойкой извлекла из кассы десятку, предъявила, словно других доказательств не требуется. Но это же может быть любая десятка! Сердце неприятно громыхало у

Тилли в груди.

– Я давала вам двадцать, – снова сказала Тилли.

Сама услышала, что уверенности в голосе поубавилось. Она сняла деньги в банкомате, он ей выдал двадцатки. В кошельке ничего больше не было, она ведь поэтому и дала девушке двадцать фунтов. За спиной уже заворчала очередь, кто-то рывкнул: «Давай шевелись!» Казалось бы, столько лет играет, могла бы научиться входить в роль, – в конце концов, в чужой шкуре ей удобнее всего. Властный, внушительный персонаж, леди Брэкнелл, леди Макбет, сообразила бы, как поступить с девушкой за стойкой, но, поискав, Тилли внутри обнаружила только себя.

Девушка смотрела сквозь нее, будто Тилли никто, пустое место. Невидимка.

– Вы просто воровка, – внезапно произнес голос Тилли. Слишком пронзительно. – Обычная воровка.

– Отвали, корова старая, – ответила девушка, – а то охрану позову.

Чтобы выехать с многоэтажной парковки, понадобятся деньги. Куда же это она подевала кошелек? Тилли порылась в сумке. Нету кошелька. Еще раз проверила. Все равно нету. Полно разной ерунды, которой в сумке совсем не место. В последнее время Тилли замечала, что там стали возникать всякие вещи – брелоки, карандашные точилки, ножи и вилки, подставки под бокалы. Откуда взялись – непонятно. Вче-

ра нашла чашку с блюдцем! Многовато посуды, – видимо, она собирает сервиз. «Клептомания одолела, Тилли?» – засмеялся Винс Балкер на днях в столовой. «В каком смысле, милый?» – спросила она. На самом деле его зовут не Винс. На самом деле его зовут... хм.

У матери над очагом висели каминные приборы и хлебная вилка с длинной ручкой. Она вечно эти приборы натирала. Терла что ни попадя. Отец любил, чтоб было чисто, – они бы с Саскией ладили. На ручке у вилки были три мудрые обезьяны. *Не вижу зла*. Дома-то зло на каждом шагу. Тилли, бывало, сидела у огня, булочки поджаривала, а мать намазывала их маслом. Булочки нацеплялись на эту вилку. Отец однажды вилкой запустил в мать. Как копьем. Застряла у матери в ноге. Мать взвыла, как животное. *Нищее, голое, развильчатое существо*⁴⁰.

Тилли вывалила содержимое сумки на сиденье. Загадочная столовая ложка и чипсы с луком и сыром. Она их не покупала, она не любит чипсы, как они тут оказались? Кошелька нет. Сердце стиснул страх. Куда делся кошелек? В газетном киоске еще был. Может, эта ужасная девица забрала – но как? И что теперь делать? На этой парковке она как в капкане. В капкане! Позвонить кому-нибудь? Кому? Без толку звонить лондонским знакомым, чем они тут помогут? Эта милая девочка, помощница продюсера, она еще записала Тилли к оптику, – как же ее звали? Тилли поразмыслила

---

⁴⁰ Уильям Шекспир. Король Лир, акт IV, сц. 3. Пер. О. Сороки.

– ноль. Индийское имя – сложнее вспомнить. Она повторила алфавит – А-Б-Г-В-Д, нередко помогало завести память. Еще раз повторила алфавит – опять ноль. *Мозги у Тилли были да сплыли.*

Может, она чересчур возбудимая. Так о ней в детстве говорили. Семейный врач прописал препарат железа – густую зеленую слизь, от которой Тилли тошнило, хотя, конечно, не сравнится с касторовым маслом или инжирным сиропом, гос-споди, чего только не запихивали в несчастных малолетних страдальцев. Возбудимая – не то слово. Артистический темперамент – так Тилли больше нравилось. Можно подумывать, это лечится препаратом железа.

Подумай о другом, тогда вспомнишь. Хочется верить. Она заглянула в зеркало заднего вида, поправила парик. Ты подумай, до чего дошло. Правда, парик отличный, от одного из лучших мастеров, стоил целое состояние. Никто и не догадается. Ее он молодит (ну, надеяться не запретишь), не сравнится с ужасной драной кошкой, которую носит на голове мать Винса Балкера. Все равно что металлическая мочалка для посуды. Тилли не совсем облысела – не как мать в этом возрасте (как бильярдный шар), просто на макушке плешь. Нет ничего смехотворнее лысой женщины.

Падма! Вот как ее зовут! Ну конечно. Тилли нащупала телефон – с мобильными у нее отношения не складывались: кнопки слишком маленькие. Она нацепила очки и поглядела на аппарат. Не те очки – нужны те, которые для чтения,

но, найдя их, она сообразила, что не помнит, как пользоваться телефоном, – ни малейшего представления. Она сняла очки, посмотрела в окно на соседние машины. Все в тумане. Где это она? Да поди пойми.

Она отложила телефон на сиденье. *Дыши, Матильда*. Посмотрела на свои руки – руки лежали на коленях. А теперь что?

Если потерялась, нужна карта. У Ариадны была нить, у Тилли – «Лидс от А до Я» из газетного киоска. Ей как-то удалось выбраться с парковки и вернуться в торговый центр. А там ужас как светло – ярче солнца. Электричество гудит прямо в костях, честное слово. Голос матери Тилли объявил по громкой связи: «Если вы потерялись, обратитесь к сотруднику полиции». Тилли занервничала. Видимо, она свихнулась: шестьдесят лет прошло с тех пор, как мать в последний раз так Тилли наставляла, не говоря уж о том, что мать тридцать лет как умерла, и даже будь она жива, крайне маловероятно, чтоб она зачитывала объявления по громкой связи торгового центра в Лидсе.

И к тому же вокруг ни одного полицейского.

Газетный киоск знакомый – точно, она тут уже бывала. Тилли надела очки и раскрыла «От А до Я». Зачем? Что она ищет? Дорогу назад из девятого круга ада. Туда ведь предатели отправляются, так? Там Фиби место, а вовсе не Тилли. Когда она выходила за дверь, погрузившись в «От А до

Я», сердитая девчонка за стойкой, жуя резинку, закричала: «Эй!» Тилли решила не обращать внимания – кто его знает, что у таких девчонок на уме.

Она добралась до эскалатора. В руке бессмысленно трепыхался «От А до Я». Как тут душно, – видимо, жара на мозг действует. Тилли обмахнулась путеводителем. Впереди замаячил какой-то молодчик – прыщавый, лицо бугристое, как мякоть граната.

– Вы за это заплатили, мэм? – спросил он, указывая на путеводитель.

Сердце застучало, точно паровой молот, – конец близок. Во рту сухо, в ушах жужжит, будто отряд насекомых организовал побег из черепашки. Глаза застит пелена, дрожит, колеблется, – наверное, похоже на северное сияние, которого Тилли никогда не видала. А жаль, всегда хотела поехать на Северный полюс – это так романтично. Полярное сияние. Жара, трясет как в лихорадке. *Не бойся. Остров полон сладкозвучья*⁴¹. Подумай о холодном. Тилли вспомнила, как зимой дрожала в доках вместе с отцом, смотрела, как всплывают в гавань траулеры, что рыбачили в арктических водах. Побывали в неведомых краях – в Исландии, Гренландии, Мурманске. Палубы еще не оттаяли. Отец покупает рыбу на рынке, громадные поддоны с треской на ледяном крошечке. Большие рыбины, мускулистые. Бедняжки, думала Тилли, плавали себе в холодных северных глубинах, а очутились у ее от-

---

⁴¹ Уильям Шекспир. Буря, акт III, сц. 2. Пер. О. Сороки.

ца на мраморной плите. С севера. Как ветер, как зимние монархи. Король-треска.

– Мэм, у вас есть чек? – Голос прыщавого юнца загрохотал и отхлынул. Пелена северного сияния завибрировала, съежилась, втянулась в черную дырочку.

– Пожалуйста, извините, – пробормотала Тилли.

Падаю, подумала она, но пара сильных рук подхватила ее, и чей-то голос сказал:

– Держитесь, буйволы⁴². Спокойно. Вам плохо, вам помочь?

– Ой, спасибо, все хорошо.

Она сама слышала, как задыхается. Будто олень. Сердце колотится, будто олень скачет. *Если лань олень зовет, пусть поищет Розалинду*⁴³. В молодости она дважды играла в «Как вам это понравится». Хорошая пьеса. У кельтов белый олень – вестник беды. Ей Даглас рассказывал. Он столько всего знал! Замечательная память. «Белый олень» на Друри-лейн, – бывало, ходила туда с Дагласом, пила «розовый джин». А теперь «розовый джин» не пьют, да? Милый боже, пускай все это прекратится!

---

⁴² «Держитесь, Буйволы! На вас смотрят шотландские стрелки» – реплика, которую в 1858 г. произнес адъютант Коттер, обращаясь к Королевскому полку Восточного Кента («Буйволам») во время парада на Мальте, требуя от солдат порядка и стройности рядов; фразу впоследствии популяризовали присутствовавшие при этом члены Королевского полка шотландских стрелков.

⁴³ Уильям Шекспир. Как вам это понравится, акт III, сц. 2. Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

– Я искала полицейского, – сказала она человеку, который предложил помощь.

– Ну, я когда-то был полицейским, – ответил он.

Приятный человек, который когда-то был полицейским, провел ее в какую-то комнату. Впереди шел прыщавый юнец. Тусклая комнатенка нескольких оттенков конторского бежевого. Напоминает школьный лазарет. Металлический стол, покрытый пластиком, два пластмассовых стула. Ее будут допрашивать? Пытать? Вместо прыщавого юнца возникла девушка – она выдвинула стул из-за стола и сказала Тилли:

– Посидите здесь, я сейчас вернусь. – И правда, вернулась с чашкой горячего чая с сахаром и тарелкой сладких крекеров. – Меня зовут Лесли, – сказала она, – через «с». Хотите? – спросила она человека, который когда-то был полицейским.

– Нет, не беспокойтесь, – сказал он.

– Вы из Америки? – спросила ее Тилли, с трудом втискиваясь в вежливую беседу. Чай, крекеры, болтовня. Надо быть на уровне.

– Из Канады.

– Ой, ну конечно, прошу извинить. – Обычно Тилли прекрасно различала акценты. – Понимаете, я потеряла кошелек, – сказала она.

– Так ее не арестуют за кражу? – спросил человек, который когда-то был полицейским.

За кражу! Тилли в ужасе застонала. Она не воровка. В

жизни сознательно не украла даже карандаша. (А все эти ножи, и вилки, и брелоки, и пакеты чипсов – они не украдены, потому что она их не *хотела*. Совсем даже наоборот.) Она же не Фиби. Фиби вечно «одалживала» браслеты, туфли, платья. Одолжила Дагласа, так и не вернула.

– Вы как? – спросил человек, присев на корточки.

– Все в порядке, спасибо вам огромное, – сказала она. Как приятно встретить нынче настоящего джентльмена.

– Ладно, я тогда пойду, – сказал он девушке.

– Вам получше? – спросила девушка Лесли, когда тот человек ушел.

– Вы меня будете преследовать по закону? – спросила Тилли.

Надо же, как голос дрожит. Девушка, наверное, думает, что она слабоумная. И Тилли нечего возразить. Глупая старуха, дорогу домой забыла. *Мозги у Тилли были да сплыли.*

– Нет, – сказала девушка. – Вы же не преступница.

Чай был замечательный. От первого глотка Тилли чуть не разрыдалась. Чай во всех смыслах вернул ее к жизни.

– Вот я дура, – сказала Тилли. – Я не знаю, почему так, просто отключилась, понимаете? Ну конечно, не понимаете, – улыбнулась она. – Вы же молодая.

– Наверное, вы потеряли кошелек и расстроились, – почувствовала девушка Лесли.

– Там была эта женщина, – сказала Тилли, – она ужасно обращалась с ребенком. Бедная малышка. Я хотела позвать

кого-нибудь. Но не позвала. Вы меня правда не арестуете?

– Правда, – сказала Лесли. – Вы забылись, вот и все.

– Точно! – сказала Тилли, от этой мысли до крайности взбодрившись. – Совершенно точно, я забылась. А теперь вспомнилась. И все будет нормально. Все будет хорошо.

* * *

Он-то думал, что в Лидсе целыми днями дожди, но сегодня погода чудесная. В парке Раундхей толпы народу, всем не терпится вырвать из лап английского климата хоть один хороший денек. Повсюду орды – люди, вам что, на работу не надо? Пожалуй, себе он вполне мог задать тот же вопрос.

И здесь он внезапно узрел счастье. Собака, грязная псинка, носилась по парку, словно ее только что выпустили из тюрьмы. Спугнула стаю голубей, которые нацелились на выброшенный сэндвич, и те взлетели, раздраженно хлопая крыльями, а собака в восторге на них загавкала. Потом ринулась прочь и на полном ходу еле затормозила – на секунду припоздав – возле женщины, загорающей на коврике. Женщина завопила и кинула в собаку вьетнамкой. Собака поймала вьетнамку на лету, помотала туда-сюда, будто крысу, уронила и помчалась к маленькой девочке – та взвизгнула, когда собака подпрыгнула, пытаясь лизнуть ее мороженое. Девочкина мать заорала благим матом, и собака отбежала, от души полаяла на некий фантом, нашла ветку, потаскала

ее кругами, а потом отвлеклась на любопытный запах. Она рыла землю, пока не обнаружила источник – высохшую кашку соплеменника. Собака обнюхала ее с наслаждением истинного ценителя, но быстро заскучала и потрусил к дереву, где задрала лапу.

– Брысь! – заорал какой-то мужчина.

Вроде бесхозный пес. Но нет: потом приковылял какой-то тип – навис над собакой и рявкнул:

– Ахтыблядская тварь идисюда когдазовут!

Крупный, лицо зверское, грудь колесом, как у ротвейлера. Плюс бритый череп, мускулы качка, на левом бицепсе татуировка – флаг Святого Георгия, на правом предплечье полуголая женщина; вуаля, идеальный английский джентльмен.

На собаке был ошейник, но у типа вместо поводка имела веревка, тонкая, вроде бельевой, с петлей на конце; он цапнул собаку за шкуру и накиннул петлю ей на шею. Потом вздернул псину, и та, задыхаясь, беспомощно замолотила лапками. Так же внезапно тип ее уронил и отвесил пинка в тошенькую ляжку. Собака съежилась и задрожала; глянешь – сердце заходится. Тип дернул за веревку и поволок собаку за собой, рыча:

– Усыплю тебя, к чертовой матери, сразу надо было, как эта сука ушла.

Собаки и чокнутые англичане на полуденном солнышке⁴⁴.

---

⁴⁴ Аллюзия на песню Ноэля Кагарда «Mad Dogs and Englishmen» (1924) с ее строчками: «Mad dogs and Englishmen go out in the midday sun» («Бешеные псы

Толпа зашумела, люди заволновались, вознегодовали, загудела мешанина гневных слов: *невинное создание – иди кого покрупней задирай – полегче, приятель*. Появились мобильные телефоны – люди фотографировали типа. Да, «айфон» сейчас пригодится. Долго противился соблазнам «Эппл», но в конце концов пал. Чудесная железяка. Когда ему исполнилось восемь, родители купили подержанный телевизор, на вид как марсианский передатчик, а до того развлечения и информацию поставляло радио. Прожил полвека, один тик-так Часов Судного дня, свидетельствовал невероятнейшим техническим достижениям. В детстве слушал старый ламповый радиоприемник «Буш» в углу гостиной, а теперь держит телефон, в котором можно понарошку забросить смятую бумажку в корзину. До чего дошел прогресс.

Он пару раз сфотографировал, как тип бьет собаку. Фотоулики – мало ли, вдруг пригодятся.

– Я полицию вызову! – перекрывая гул, пронзительно заверещал женский голос, а тип рывкнул:

– Не суйся, блядь! – и потащил собаку дальше.

Шел он так быстро, что собака пару раз перекувырнулась, проволокалась по земле и ударилась об асфальт.

Жестокая кара и необычная к тому же. Он в жизни не видался насилия, и притом не всегда бывал его объектом, но где-то же надо поставить точку. Беспомощная псинка – вполне подходящая точка.

Вслед за типом он вышел из парка. Машина типа стояла поблизости; тот открыл багажник, подцепил собаку и швырнул внутрь – псина съежилась, дрожа и повизгивая.

– Ну погоди у меня, гаденыш, – сказал тип. Он уже раскрыл мобильный, прижал к уху, а на собаку нацелил палец – мол, не вздумай сбежать. – Эй, малышенька, это Колин, – сказал он. Голос масляный, прямо Ромео на ринге.

Он поморщился, представив, что будет с собакой дома. Колин, значит. Скорее всего, ничего хорошего. Он шагнул ближе, постучал «Колина» по плечу, сказал:

– Простите? – и, когда Человек-Тестостерон обернулся, прибавил: – Защищайтесь.

– Чего? – спросил Колин, а он сказал:

– Это я иронизирую, – и с наслаждением врезал Колину апперкотом в диафрагму.

Ведомственные правила ему больше не указ; теперь он считал, что может бить людей когда вздумается. Да, насилия он навидался, но лишь недавно начал понимать, зачем оно нужно. Раньше он громко гавкал – теперь больно кусался.

В драке философия его проста – никаких выкрутасов. Одного мощного удара в нужную точку, как правило, хватает, чтобы уложить человека. Удар прилетал на крыльях вспышки черного гнева. Бывали дни, когда он ясно понимал, кто он такой. Он сын своего отца.

И точно, ноги у Колина подкосились, он рухнул, и лицо у него стало как у задохшейся рыбы. Он пытался вздохнуть, и

в легких у него скрипело и всхлипывало.

Он присел на корточки и сказал:

– Еще раз увижу, что ты так делаешь – с женщиной, женщиной, ребенком, собакой, даже, блядь, с деревом, – и ты покойник. А ты никогда не угадаешь, вижу я или нет. Понял?

Колин кивнул, хотя вздохнуть ему пока не удалось, – впечатление такое, что больше и не удастся. Громилы в душе всегда трусы. Телефон Колина ускакал прочь по асфальту, и слышно было, как женский голос бубнит:

– Колин? Кол... алло?

Он встал, наступил на телефон, растер его в крошку. Совершенно лишнее, довольно нелепо, однако сколько удовольствия.

Собака так и пряталась в багажнике. Не оставлять же ее тут. Он взял собаку на руки – надо же, трясется, будто замерзает, а какая теплая. Он прижал псину к груди, погладил по голове: мол, я не такой, не очередной большой мужик, который тебя ударит.

Он пошел прочь, унося собаку на руках; один раз оглянулся проверить, жив ли этот Колин. Если помер, невелика беда, но обвинения в убийстве не хотелось бы.

Он грудью чувствовал, как у напуганной псины колотится сердце. *Тук-тук-тук.*

– Все в порядке, – сказал он – так он утешал дочь, когда она была маленькая. – Теперь все хорошо. – Давненько он не беседовал с собаками. Он попытался ослабить веревку у нее

на шее, но узел затянулся. Он повернул бирку на ошейнике. – И как же тебя зовут? Эмиссар? – переспросил Джексон, с сомнением уставившись на псину. – Ну и имечко у тебя.

Он плыл по течению, туристом в родном краю – не совсем отпуск, скорее экспедиция. Отпуск – это когда лежишь на теплом пляже в мирной стране, а рядом женщина. Женщин Джексон заводил везде где находил. Сам обычно не искал.

Последние пару лет прожил в Лондоне, снимал квартиру в Ковент-Гардене, где одно время наслаждался поддельным семейным счастьем с липовой женой Тессой. В гостиной покончил с собой (довольно кроваво) человек по имени Эндрю Декер, что Джексона, к его удивлению, почти не волновало. Приехала бригада из компании, занимавшейся уборкой после ЧС (врагу не пожелаешь такую работенку), потом Джексон сменил ковер, выбросил стул, на котором застрелился Эндрю Декер, – и не догадаешься, что в гостиной случилось неприглядное. Смерть была праведная, – пожалуй, это важно.

Все формальные «я» Джексона остались в прошлом – армия, полиция, частный детектив. Он побыл «на пенсии», но так создавалось впечатление, будто мир в нем больше не нуждается. Теперь он называл себя «полупенсионер» – покрывает много понятий, и не все абсолютно законны. Теперь он часто выпадал из официального поля зрения, подрабатывал тут и там. Его разделом по выбору в «Быстром и наход-

чивом» стал бы поиск людей⁴⁵. Не обязательно их обнаружение, но лучше так, чем ничего.

– На самом деле ты ищешь сестру, – говорила Джулия. – Свой драгоценный Грааль. И ты никогда ее не найдешь, Джексон. Она умерла. Она не вернется.

– Сам знаю.

Это не важно, он все равно будет искать потерянных девочек, всех этих Оливий, Джоанн и Лор. И свою сестру Нив, первую потерянную девочку (и последнюю потерянную). Хотя точно знал, где сейчас Нив, – в тридцати милях отсюда, плесневеет в холодной влажной глине.

Касательно автомобилей Джексон стал непривередлив, и «сааб», купленный с третьих рук на подозрительном аукционе в Илфорде, его приятно удивил. Внутри нашлись бесполезные следы прежних владельцев: на приборной панели Дева Мария с лампочкой в животе, помятая открытка из Челтнэма («Тут вроде неплохо, всего хорошего, Н.»), в бардачке – обросшая пухом мятная конфета «Эвертон». Джексон только плеер для компактвстроил. Как выясняется, в дороге жить нетрудно. Телефон есть, машина есть, музыка есть – что еще человеку надо?

До Тессы Джексон покупал дорогие машины. Деньги, которые украла его вторая жена, негаданно достались ему в на-

---

⁴⁵ «Быстрый и находчивый» (*Mastermind*, с 1972) – еженедельная телевикторина Би-би-си, в которой участники отвечают на вопросы на скорость. Игра состоит из двух раундов: один – вопросы на общую эрудицию, другой – вопросы в сфере знаний по выбору участника.

следство – рехнутая старуха, бывшая клиентка, оставила ему два миллиона фунтов. Тогда казалось – невероятные деньги, сейчас, конечно, выглядят поскромнее в сравнении с триллионами, которых лишились сильные мира сего, и все равно на два лимона, пожалуй, можно купить себе Исландию.

– Ну, – сказала его первая жена Джози, – ты, как всегда, сам подстроил свое падение.

Нельзя сказать, что он остался нищим. Деньги от продажи дома во Франции пришли назавтра после того, как Тесса все выгребла со счета.

– Итак, приключения Джексона продолжаются, – сказала Джулия.

Само собой, он и не думал, что имеет право на эти деньги, – Тессино воровство смахивало скорее на поворот колеса Фортуны, нежели на подлинный грабеж. Не настоящая жена, а трикстер, мошенница. И звали ее, понятное дело, не Тесса. Развела его на всю катушку – соблазнила, обиходила, женила на себе, ободрала как липку. Полицейский женился на преступнице – какая блестящая ирония. Он воображал, как она лежит где-нибудь на берегу Индийского океана, с коктейлем в руке, – классический финал кино про жуликов. («Ну, Джексон, женщины всегда обманывали», – сказала Джулия с гордостью, будто восхваляла свой пол, а не к адским мукам приговаривала.) Его конек – поиск людей; интересно, что его беглая жена по сей день от него ускольза-

ет. Он отыскивал улику за уликой, шел по следу из хлебных крошек, и куда только они его не приводили, однако до сих пор никуда не привели. Он многое умел, но Тесса... о, Тесса умела гораздо больше. Он ею почти восхищался. Почти.

Он по-прежнему искал ее по всей стране – шел за ней, как ленивый охотник за добычей. Не то чтобы он хотел вернуть свои деньги – они были по большей части в акциях, а те все равно рухнули ниже подвального уровня, – он просто не любил, когда его держат за дурака. («Это еще почему? Дурак и есть», – сказала Джози.)

В обществе «сааба» он побывал в Бате, Бристоле, Брайтоне, на девонском побережье, на южной кромке Корнуолла, на севере в Скалистом краю, на Озерах. Шотландии он избегал – дикая страна, там он уже дважды рисковал сердцем и жизнью. (*Самое прекрасное время, самое злосчастное время*⁴⁶.) В третий раз, подозревал он, повезет еще меньше. Зато рискнул заехать в Уэльс, который, как ни странно, полюбил, а затем покатил по удушающей буколической тиши Херефордшира, Уилтшира, Шропшира, по тучным полям Глостершира, сквозь постиндустриальный разгром Центральных графств. Зигзагом елозил по Пеннинам, созерцал унылые жертвы тэтчеризма. Угля нет, стали нет, флота нет. Эта невнятная головоломка, его родина, как и многие другие

---

⁴⁶ Первая фраза романа Чарльза Диккенса «Повесть о двух городах»: «Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время...» Пер. С. Боброва.

страны, разделилась на ся. Разъединенное королевство.

Сойдя с дистанции в крысиной гонке, Джексон все чаще выбирал окольные пути. Поваландаться на проселках, показаться по топографическим капиллярам. Турист на живописной тропе, праздно шкандыбает заросшими стежками в поисках утерянной пасторальной Англии, что засела в голове и в сердце. Золотая доиндустриальная эпоха. Увы, прошлое в Аркадии было всего лишь сном.

«Аркадия» – этому слову его научила Джулия однажды в потерянные парижские выходные; как будто целая жизнь с тех пор прошла. Они ходили в Лувр, и Джулия показала ему картину Пуссена *Les bergers d’Arcadie*, с надгробием и словами *Et in Arcadia ego*⁴⁷.

– Открыто для толкований, ясное дело, – сказала она. – Что это значит – что смерть здесь, даже в этом немудреном раю, и, следовательно, чувак, от нее не сбежать – *memento mori*⁴⁸, если угодно, «Где я теперь, там будешь ты» – в таком духе. Или это значит, что когда-то умерший тоже наслаждался жизнью. Смысл тот же, если вдуматься. Как ни посмотри, мы обречены. Хотя, конечно, в этой галиматье про код да Винчи все перепутали.

Пусть Джулию тянет ко всякой ерунде, в душе она клас-

---

⁴⁷ «И я в Аркадии» (лат.). Картина «Пастухи Аркадии» французского живописца, основоположника классицизма Никола Пуссена (1594–1665) была написана в 1637–1638 гг.

⁴⁸ Помни о смерти (лат.).

сицист. И очень *говорлива* – Джексон перестал слушать за-долго до конца тирады. Однако надгробная надпись кольнула в сердце.

А теперь он и сам искал свою аркадскую беседку. Начал с довольно расплывчатых поисков Тессы, а затем обратился к иной цели. Он – охотник на недвижимость. Он ищет, где бы осесть, – старый пес вынюхивает новую конуру, не запятнанную прошлым. Новое начало. Есть где-то место для него⁴⁹. Надо просто отыскать.

Лучшее он приберег напоследок. Северный Йоркшир, божественное графство, его центр вращения. В странствиях его не было точки, что сильнее Северного Йоркшира притягивала магнетит его сердца. Сам-то Джексон, само собой, из Западного Райдинга, весь из сажи, регбилига и говяжьего жира, но это ведь не значит, что он возьмет и отправится туда на поселение. Не хватало еще закончить там, где начал, где вся его семья беспокойно ворочается в земле.

Он нацелил компас к сердцу солнца⁵⁰, или, точнее говоря, навигатор на Йорк. Голос навигатора звали Джейн, и их вздорные отношения длились уже давно.

– Может, ее просто отключить? – рассудительно сказала Джулия. – Зачем она вообще тебе сдалась, ты же так гор-

---

⁴⁹ Аллюзия на песню «Где-то» (*Somewhere*) из мюзикла Леонарда Бернштейна и Стивена Сондхайма «Вестсайдская история» (*West Side Story*, 1957).

⁵⁰ «Нацель компас к сердцу солнца» (*Set the Controls for the Heart of the Sun*) – песня английской рок-группы *Pink Floyd* с альбома «Целое блюдо тайн» (*A Saucerful of Secrets*, 1968).

дишься своим талантом ориентироваться.

Он *правда* отлично ориентируется, огрызнулся Джексон. Ему просто неохота быть одному.

– Проснись уже, миленький.

– Иди на восток, старик⁵¹, – пробубнил он себе под нос, вбивая в Джейн координаты, готовясь вновь пересечь хребет Пеннин и вернуться в колыбель цивилизации.

Чуть юго-восточнее, молча поправила его Джейн.

Он старался посетить все чайные «У Бетти» – в Илкли, в Норталлертоне, две в Харрогите, две в Йорке. Изысканная программа, вагон престарелых дам гордился бы Джексон. Он большой поклонник «Бетти». «У Бетти» всегда приличный кофе; приличный кофе, пристойная еда, все официантки смахивают на милых девочек (и женщин), которых упаковали в 1930-х, а сегодня утром развернули и вынули. Но мало того: тут все как нужно, все уместно. И чисто.

– С возрастом ты все больше смахиваешь на женщину, – сказала Джулия.

– Правда?

– Нет.

Их роман давным-давно завершился, Джулия вышла замуж, родила ребенка, долго отрицала, что это ребенок Джек-

---

⁵¹ Вопреки совету американского журналиста и общественного деятеля Хорэса Грили (1811–1872) «Идите на запад, молодой человек» – призыву осваивать американский фронт.

сона, но все болтает и болтает у него в голове.

Если б Великобританией правили Бетти, экономического Армагеддона ни за что бы не случилось. В Йорке, в кафе на площади Сент-Хелен, за кофейником фирменного и тарелкой с омлетом и копченым лососем, Джексон воображал, как страной правит олигархия Бетти: весь кабинет министров в безукоризненно белых фартучках и под рукой всегда коричневые тосты. Даже Джексон в минуты обострения мачизма понимал, что мир был бы лучше, если б им правили женщины.

– Бог создал мужчину, – с месяц назад проинформировала его дочь Марли, и на миг Джексон заподозрил, что подростковый пессимизм обратил ее в какое-то фундаменталистское христианство. Она заметила его испуг и рассмеялась. – Бог создал мужчину, – повторила она. – А потом Ему пришла в голову идея получше.

Очень смешно. Или же ха-ха, как сказала бы дочь.

В Йорке он много часов провел в громадном кафедральном депо Национального железнодорожного музея, где отдал дань «Малларду»⁵², самому быстрому в мире йоркширскому паровозу, – рекорд, которого не отнять. Роскошные, блестящие синевой бока машины – сердце гордостью наполнялось. Дня не проходило, чтобы Джексон не оплакивал потерю ин-

---

⁵² «*Mallard* № 4468» – паровой локомотив железной дороги Лондон-Северо-Восток, разработанный британским инженером сэром Найджелом Грезли (1876–1941) и построенный в Донкастере в 1938 г.; его мировой рекорд скорости, 203 км/ч, был зафиксирован 3 июля 1938 г.

женерии и промышленности. Здесь места дряхлым нет⁵³.

Помимо чайных, Джексон внезапно открыл радости путевого коллекционирования разрушенных йоркширских аббатств – Джарвис, Риво, Рош, Байленд, Кёркстолл⁵⁴. Новое развлечение. Поезда, монеты, марки, цистерцианские аббатства, «У Бетти» – все объясняется полуаутичным мужским стремлением к собирательству, потребностью в порядке или желанием обладать, или тем и другим.

Осталось еще обработать Фаунтинское аббатство, мать всех аббатств. Много лет назад (много десятилетий назад) Джексон ездил туда на школьную экскурсию – удивительное дело, Джексон ходил в школу, где детей никуда не вывозили. Помнил только, как играл в футбол среди руин, пока учитель не прекратил это безобразие. Ах да, еще на обратном пути пытался поцеловать девочку по имени Дафна Вуд на заднем сиденье автобуса. Получил за свои старания по зубам. У Дафны Вуд оказался мощнейший правый хук. Дафна Вуд и научила его, что один стремительный и жестокий удар важнее дуэлянтских плясок. Интересно, где она сейчас.

---

⁵³ Цитата из стихотворения ирландского поэта и драматурга Уильяма Батлера Йейтса (1865–1939) «Плавание в Византий» (*Sailing to Byzantium*, 1928), пер. Е. Витковского. Фраза также дала название роману американского писателя Кормака Маккарти, в рус. пер. – «Старикам тут не место».

⁵⁴ Джарвис (*Jervaulx*, 1156–1537), Риво (*Rievaulx*, 1132–1538), Рош (*Roche*, 1147–1538), Байленд (*Byland*, 1135–1538) и Кёркстолл (*Kirkstall*, ок. 1152–1539) – цистерцианские аббатства, были уничтожены в период роспуска монастырей в XVI в. по приказу английского короля Генриха VIII.

Риво безупречно, но пока Джексон больше всего полюбил Джарвис. Частные владения, у ворот «ящик честных» для денег, никаких вывесок «Английского наследия» – эти развалины пробрались ему в душу, в его хранилище бессловесной меланхолии, и ничего более похожего на святость атеист Джексон не встречал. Ему не хватало Бога. Впрочем, с кем иначе? Бог, полагал Джексон, давным-давно слинял из дому и больше не вернется, но, как всякий хороший архитектор, завещал нам свою работу. Северный Йоркшир спроектировали, когда Бог был в ударе, и всякий раз, возвращаясь сюда, Джексон вновь поражался, как властны над ним эти пейзажи, эти красоты.

– Стареешь, – сказала Джулия.

Само собой, в этих богатых и могущественных аббатствах в Средние века разводили овец, золотые руна, создавалась основа для торговли шерстью, для благосостояния Англии, каковое, в свою очередь, привело к сатанинским фабрикам Западного Райдинга, а затем к бедности, скученности, болезням, уму непостижимой эксплуатации детей, к разрухе и гибели аркадских грез. Не было гвоздя. Фабрики стали музеями и галереями, аббатства в руинах. Земля продолжает крутиться.

Когда Джексон приехал в Джарвис, там не было ни души, только вечные овцы (природные газонокосильщики) и их жирные ягнята; он бродил меж безмятежных камней, в чьих щелях пробивались дикие цветы, и жалел, что конеч-

ная остановка его сестры случилась не здесь, а на прозаическом муниципальном кладбище. Там у него остались незавершенные дела, так и не высказанное мертвой сестре обещание отомстить за ее бессмысленную гибель. Наверное, до конца дней Нив будет звать его домой песнями мертвой сирены.

– Все дороги ведут домой, – сказала Джулия.

– Все дороги ведут прочь от дома, – ответил Джексон.

Джози, его первая жена, однажды сказала, что, если убежать очень-очень далеко, в итоге окажешься там, откуда начал, но, пожалуй, города, откуда бежал Джексон, больше не существует. Несколько лет назад он туда вернулся, свозил Марли в гости к мертвой родне – и города не узнал. Отвалы сровняли с землей, вся шахтенная техника давно исчезла, сохранилось лишь колесо, что стояло над устьем шахты: его разрезали пополам и поставили на окраинном дорожном кольце – скорее декор, чем памятник. Почти ничего не осталось от города, где отец всю жизнь вкалывал в бархатной темноте.

И Нив лежит в земле вот уже почти сорок лет – слишком поздно, не отыскать улики, не распознать ДНК, не опросить свидетелей. Гроб закрыт, след остыл, холоден, как глина, в которой ее похоронили. Когда Нив убили, она была всего тремя годами старше, чем сейчас его дочь. Марли четырнадцать. Опасный возраст, хотя, будем честны, для женщины любой возраст опасен.

Семнадцать лет – жизнь Нив едва началась и вдруг прекратилась. Нив к ней не шла, но Смерть ее любезно посетила⁵⁵. Эмили Дикинсон. Стихи? Джексон? А вот поди ж ты.

Поэзия приворожила его пару лет назад, примерно когда он чуть не погиб в железнодорожной катастрофе. (В пересказе жизнь Джексона всегда драматичнее ненавязчивой скуки, в которой он жил день за днем.) Связь неочевидна, но, возродившись, он решил – с немалым опозданием – хотя бы отчасти нагнать упущенное в нищенском образовании. Историю культуры, например. Составил себе программу самосовершенствования и пировал на щедром столичном банкете – художественные галереи, выставки, музеи, порой даже концерты классической музыки. Отчасти проникся Бетховеном – во всяком случае, симфониями. Богатые, мелодичные струны его души так и звенели. Послушал Пятую на «Промеnade» Би-би-си⁵⁶. Раньше на променадных концертах не бывал, обламывал ура-патриотизм «Последнего вечера», надутые слушатели – и впрямь толпа самодовольных привилегированных обсосов, но ведь Бетховен не для них музыку писал. Он писал их для Обычного Человека, переодетого сол-

---

⁵⁵ Аллюзия на стихотворение Эмили Дикинсон, 712. Пер. Г. Лахман.

⁵⁶ «Променад» (*The Proms*) Би-би-си, т.ж. «Променадные концерты Генри Вуда» – восьминедельный летний фестиваль классической музыки; большинство концертов проходят в лондонском Ройял-Альберт-холле. В «Последний вечер» «Променада» (вторая суббота сентября) проходит концерт популярной классической музыки и патриотических композиций, который транслируется по Би-би-си.

датом среднего возраста, который, к собственному потрясению, расплакался, когда победным букетом расцвели медь и конский волос.

Театр Джексон не жаловал – тут Джулия и ее приятели-актеры убили ему всякую надежду. По дурости затащил Марли на трехчасового Брехта, от которого онемела задница, и к концу ему хотелось заорать: «Да! Вы правы, Земля вертится вокруг Солнца, вы об этом сообщили, только выйдя на сцену, и твердите с тех пор – так вот, не надо. Я уже понял!»⁵⁷ Марли почти весь спектакль проспала. Спасибо ей за это.

Самосовершенствование простиралось и за пределы живописи, фортепианных концертов и музейных экспонатов; кроме того, Джексон мрачно продирался сквозь классику мировой литературы. Беллетристика его никогда особо не трогала. Подлинная жизнь и так сложна – не хватало еще выдумывать. Обнаружилось, что все величайшие романы написаны о трех вещах – о смерти, деньгах и сексе. Иногда попадался кит. Однако поэзия просочилась без приглашения. *Свет для жабы – отравы*⁵⁸. С ума сойти. И вот он размышляет о давно умершей, давно потерянной сестре, и ободряет его женщина, у которой вечно похороны в мозгу⁵⁹.

Уезжая из Джарвиса, он кинул в «ящик честных» двадцатку – дорожке билетов «Английского наследия», но оно того

---

⁵⁷ Имеется в виду пьеса «Жизнь Галилея» (1938).

⁵⁸ Эмили Дикинсон, 583. Пер. Л. Ситника.

⁵⁹ Аллюзия на стихотворение Эмили Дикинсон, 280. Пер. А. Гаврилова.

стоило. И к тому же приятно, что в наше время еще остались люди, готовые верить в человеческую честность.

В тринадцать лет Джексон провел едва ли не лучшие летние каникулы на ферме Хаудейл, на окраине Йоркширских долин. Он так и не понял, как случилась эта сельская идиллия, – церковь позаботилась или государство, наверняка кто-нибудь такой вмешался по ходу дела, приходской священник все устроил или соцработник. Соцработник был временным приобретением – однажды возник из ниоткуда посреди худшего года Джексоновой жизни, а спустя несколько месяцев так же загадочно пропал, хотя худший год вовсе не закончился. Соцработник явился (по всей видимости), дабы помочь Джексону пережить страшный год утрат, что начался со смерти матери от рака и завершился гибелью брата, который свел счеты с жизнью, когда убили их сестру. («Попробуй переплюнь», – еще полицейским временами ворчал он про себя, выслушивая менее поразительные жалобы незнакомцев.)

Каникулы в Хаудейле были отпуском от безрадостной жизни после смерти, которую он делил с отцом, сердитым человеком с куском угля вместо сердца. Джексон тогда свое горе не анализировал и не удивился, когда дружелюбный пожилой человек, которого он видел впервые в жизни («Я, что называется, волонтерствую, парнишка»), увез его из прокопченной лачуги на зеленые задворки Долин и посадил на ферме, где стадо черно-белых коров как раз с боем пробивалось

в доильню. Джексон впервые увидел корову вблизи.

Фермой владела супружеская пара, Редж и Джоан Этуэлл. У них были взрослые сын и дочь. Сын работал в йоркской страховой компании, дочь была медсестрой в больнице Святого Иакова в Лидсе, и обоим совершенно не улыбалось стать шестым поколением владельцев фермы. Наверное, волчонок Джексон жестоко испытывал терпение Этуэллов, но они были люди на редкость понимающие и добрые, и Джексон надеялся, что их не разочаровал, а если все-таки да, то теперь он ужасно сожалеет.

До сих пор перед глазами деревенская кухня с плитой «Рэйбёрн», всегда горячей, а на ней большой бурый чайник с чаем цвета пожухлых дубовых листьев. До сих пор чутся запахи обильных завтраков миссис Этуэлл – овсянка со сливками и коричневым сахаром, яичница, ветчина, хлеб и домашний мармелад. Завтракать приходили двое рабочих – люди, которые к этому часу уже успевали сделать половину дневной работы.

В кухне стоял ветхий диванчик под царапучим вязаным покрывалом – там они все сидели вечерами. Этуэллы обитали в основном на кухне. У плиты на лоскутном коврике лежала пастушья собака, бордер-колли Джесс. Мистер Этуэлл говорил: «Мамочка, подвинься, мальчику тоже нужно сесть», но Джексон чаще устраивался с собакой на коврике. Ни до, ни после Джексон не припоминал близости с собакой. В родительской семье животных не бывало, а когда

Джексон завел собственную, его жена Джози ограничила домашний зверинец мелкой продукцией Творения – мышами, хомячками, морскими свинками. В раннем детстве у Марли был кролик Кекс, крупная скотина с вислыми ушами, – перед Джексонсом вставал в боевую стойку, будто они вдвоем на ринге и предстоит долгий бой. Вряд ли такая тварь называется «ручной зверек».

Он подарил бордер-колли Луизе. Щенка. Неосознанный выбор. Он бежал из Шотландии и от старшего детектива-инспектора Луизы Монро, а вместо себя – неосознанно – оставил существо, дорогое его сердцу. Луизе собака полезнее, чем он. Он теперь никогда не сможет быть с Луизой. Она живет по закону, он – вне закона.

В конце лета поговаривали о том, чтоб он остался в Хаудейле, но, увы, его вернули – тот же самый загадочный пожилой господин отвез его к мрачным радостям домашней обстановки. Джексон написал Этуэллам (впервые в жизни он написал письмо), поблагодарил за гостеприимство, но ответа не получил, и лишь спустя несколько месяцев их дочь написала ему (впервые в жизни он получил письмо), желая «оповестить», что ее родители скончались с разницей в месяц – первым отец, от нездорового сердца, затем его жена – от разбитого. Джексон, угрызения совести впитавший с молоком матери-католички, уловил невысказанный упрек в том, что неким образом поспособствовал их безвременной кончине.

А если бы у Этуэллов сердца были поздоровее, они бы

оставили его у себя? Может, он стал бы деревенским пацаном, вот сейчас на тракторе гонял бы по холмам, а рядом пастушья собака? (Не было гвоздя.)

Некоторое время после своего *annus horribilis*⁶⁰ (фразе его обучила королева, и он ей премного благодарен) Джексон фантазировал о том, что у него есть другая семья, ирландцы, о которых мать беспечно умолчала. Он воображал, как мать является ему из-за гроба и рассказывает об этих людях («А, ну конечно, Макгёрки в Понтефракте, они за тобой присмотрят, Джексон»). Совершенно обыкновенные люди, каких он видел по телевизору, в комиксах и (изредка) в книжках. Двоюродные, что работали в конторах и лавках, водили такси или акушерствовали. Дядья, которые сами клеили обои и огородничали, тетки, что пекли пироги и знали цену любви и деньгам, — все они жили где-то, населяли его личную мыльную оперу, ждали, когда он их разыщет, прильнет к их общей груди и тем утешится. Но люди эти так и не проявились, и следующие три года Джексон жил в пустоте — только он да отец, вместе запертые в немом безразличии.

В шестнадцать Джексон пошел в армию. Окунулся в аскетизм с рвением монаха-воина, открывшего достоинства дисциплины. Его сломали, а затем построили заново, и предан он был лишь этой новой, жестокой семье. В армии приходи-

---

⁶⁰ Ужасный год (*лат.*). Королева Елизавета II процитировала это выражение, выступая в лондонской Ратуше 24 ноября 1992 г.; фразу привел в своем письме королеве подполковник сэр Эдвард Уильям Спенсер Форд.

лось туго, но с прошлым не сравнить. Джексон с облегчением понял, что у него наконец-то есть будущее. Хотя какое.

Если б мать со своим раком пораньше обратилась к врачу, а не страдала в исконной мученической манере всех ирландских матерей, она бы, может, стукнула Джексонова брата по макушке свернутой газетой (как правило, в их семействе общались так) и велела ему не сидеть сиднем (он страдал от тяжкого похмелья), а выйти под дождь и встретить сестру на автобусной остановке. Тогда бы неизвестный не напал на Нив, не изнасиловал, не задушил, не выбросил бы ее тело в канал. Не было гвоздя.

После Джарвиса он отправился в паломничество – хотел отыскать Хаудейл. На чистом инстинкте, при некоторой поддержке и отчасти вопреки обструкционизму навигатора Джейн он колесил по проселкам, пока не наткнулся на вывеску «Деревенские каникулы в пансионе „Хаудейл“». Свернул на подъездную дорогу, бывшую слякотную канаву, ныне прополотую и покрытую свежим гудроном, и увидел дом, что по-прежнему стоял в конце дороги. Соседняя маслобойня и разбросанные тут и там домишки сельхозрабочих, про которые он забыл, оделись в одинаковые бело-зеленые костюмчики. Ни коров не видать, ни овец, не пахнет навозом и силосом, нигде не ржавеют останки ветхой деревенской техники. Ферму преобразили, дезинфицировали, превратили в иллюстрацию из сборника сказок. Когда-то, давным-давно, Джексон стер свое прошлое – теперь прошлое стерло его.

Джексон выбрался из машины и огляделся. Там, где Джонан Этуэлл развешивала стирку, теперь качели-песочницы, на месте покосившегося сарая – гравийная разворотная площадка. На лужайке, прежде бывшей двором, с бокалами в руках сидела группа людей разных возрастов (это называется «семья», напомнил он себе). Примитивно пахло жареным мясом. Увидев Джексона, взрослые смутились, и один мужчина, вооруженный щипцами для барбекю, повысив голос и явно готовясь к агрессии, спросил:

– Вам помочь?

Военные действия в этой обстановке Джексону не улыбались, поэтому он пожал плечами и ответил:

– Нет, – что еще больше смутило этих людей.

Он сел в «сааб», увидел себя в зеркале заднего вида. Оттуда глядел кто-то диковатый. Несколько дней не брился, сальные патлы нависли на глаза. Голод, худоба – он себя не узнавал. Хорошо, хоть волосы еще остались. Мужики теперь сбывают свое мужское облысение, тщетно надеясь стать крутыми, а не просто безволосыми. Джексону недавно стукнул полтинник – он с этим еще не вполне смирился. *Золотые годы.* (Ага, как же.) «Веха», – рассмеялась Джози. Обхохочешься, ага. Свой день рождения он профилонил, горестно бродил в одиночестве по Праге, обходя пьяные тусовки одиноких англичан и англичанок. А вернувшись, отправился в странствие.

С приближением к горизонту событий грядущей смерти

его представление о старости поменялось. В двадцать лет старый – это сороковник. Теперь Джексон перевалил за полвека, и старость растягивалась, становилась податливее, хотя после пятидесяти нельзя отрицать, что у тебя билет в один конец на экспресс до вокзала.

Он уехал, до самого поворота чувствуя, как провожает его взглядом семейство за барбекю. Ну ясное дело – он бы тоже себя опасался.

В Нэрсборо Джексон отыскал Пещеру старой мамыши Шиптон⁶¹, куда заходил на той школьной экскурсии. Школьник он удивленно пялился на окаменевшие экспонаты над колодцем – зонтик, сапоги, плюшевых медведей. Алхимия Колодца происходила из высокой минерализации воды, но и теперь, уже взрослым, Джексон был тронут – обычные предметы, а Колодец бережно их сохранил. В юности Джексон думал, что «окаменеть» всегда означает «окаменеть от страха»; думал, вдруг его напугает что-нибудь или кто-нибудь и он станет как эти бездвижные повседневные вещи? Теперь-то он знал, что так не бывает. От страха не камнеешь – это окаменение страх наводит.

Выжив на железной дороге, Джексон был признателен, но отчасти опасался, что спасение его обескровит, сделает благодарным проповедником позитивности (*Каждый день – по-*

---

⁶¹ Пещера старой мамыши Шиптон – достопримечательность Северного Йоркшира; называется в честь английской прорицательницы мамыши Шиптон (Урсула Саутейл, ок. 1488–1561), которая, по преданию, родилась в этой пещере.

дарок, моя жизнь на земле не должна пройти даром и т. д.). Удивительно, пожалуй, однако из катастрофы родилась иная версия Джексона – холоднее и жестче, нежели он ожидал.

– Джексон стал голоднее и злее, – засмеялась Джулия. – Ой, боюсь-боюсь. – Может, и стоит.

Ему теперь от нее не отделаться – они соединены общим сыном. Двое стали одним. Как спели бы «Спайс Гёрлз»⁶².

С Джулией он встретился в Риво. Теперь он встречался с ней на нейтральной территории. Пару лет назад имел место некрасивый инцидент: Джексон, вымотанный и на взводе, заявился на порог коттеджа в Долинах, где Джулия жила со своим претенциозным и сверхбуржуазным муженьком Джонатаном Карром, и откровенно «объяснил», что Натан, вопреки предположениям Джонатана, вовсе не его, Джонатана, сын. И вот доказательства, провозгласил Джексон, торжественно потрясая у Джонатана перед носом результатами анализа ДНК.

Естественно, последовало некоторое мордобитие, но едва ли это важно. Джексон угрожал иском об отцовстве, но и он сам, и Джулия понимали, что это все пустое. (Кого волнует мнение Джонатана Карра? Уж явно не Джексона.) Джексон не хотел воспитывать еще одного ребенка, с Джулией или без

---

⁶² Британская поп-группа *Spice Girls* (1994–2000) выпустила песню Мэтта Роу и Ричарда Стэннарда «2 стали 1» (*2 Become 1*) на своем дебютном альбоме *Spice* в 1996 г.

Джулии, он хотел лишь утвердить фундаментальный принцип собственности.

Треугольник их держался на невысказанном честном слове. Мужчина, зачавший мальчика, мужчина, воспитывающий мальчика, а на вершине вероломная женщина. *Мой сын другого зовет отцом*. Уж Хэнк-то вам расскажет, каково это⁶³.

С Джулией и Натаном он встретился не в самом Риво, а на Террасах над аббатством – вид оттуда такой, что дух захватывает. Красота разбудила в Джексоне романтика, который некогда был похоронен в темной глубокой шахте, а в последнее время бесстыже высовывал голову на свет божий. Пускай снаружи Джексон очерствел – внутри душа по-прежнему парила. Риво, Пятая Бетховена, воссоединение с матерью и ребенком.

Они шагали меж двух греческих храмов – капризов, выстроенных для забавы аристократов восемнадцатого столетия, а теперь отданных Национальному фонду.

– Ну ты глянь. Представляешь, каково сюда гостей звать? – сказала Джулия. – Вообрази только. – Она хрипела больше, чем прежде. – Высокое содержание пылицы, – пояснила она, предъявив Джексону пачку зиртека.

---

⁶³ «Мой сын другого зовет отцом» (*MySonCallsAnotherManDaddy*, 1950) – песня американского кантри-музыканта и автора песен Хэнка Уильямса (Хайрама Кинга Уильямса, 1923–1953).

По счастью, Натан, похоже, не унаследовал от матери ее легкие (а также, что немаловажно, ее аффектацию).

– Нельзя, чтобы такой красотой кто-то владел, – сказал Джексон.

– Ах, отними мальчика у коллективистского прошлого, но не отнимешь коллективистское прошлое у мальчика.

– Ерунда, – сказал Джексон.

– Да ну?

Натан поскакал вперед по траве.

– Мальчик! – окликнула его Джулия, истекая любовью.

Единственный мальчик. В жизни Джулии мужчины были всегда – и всегда на периферии, в том числе, подозревал Джексон, и ее фу-ты ну-ты муженек (снимем шляпу перед человеком, который умудряется оставаться женатым на ветреной Джулии). Но с мальчиком все иначе – мальчик жарко сиял в центре ее вселенной.

– А Джонатан знает, что ты здесь? – спросил Джексон.

– С чего бы? – сказала Джулия.

– С чего бы нет? – сказал он.

Она не ответила. Ну что ты будешь делать – она невыносима. (И хотя бы в этом постоянна.)

– Разрушенные хоры и все такое. – Это Джулия сменила тему. – Шекспир, разгон монастырей, – назидательно прибавила она, за многие годы постигнув, сколь велики черные дыры в эрудиции Джексона.

– Я в курсе, – сказал он. – Это я знаю. Я же не полный

невежда.

– Правда? – ответила она, скорее рассеянно, чем с иронией.

Все внимание на мальчика – мужчине ничего не доставалось. В скитаниях по йоркширским аббатствам Джексон многое узнал об ужасах и трепете Реформации, но поучать Джулию проку нет: она всегда и обо всем знает больше его. У Джулии многогранное образование и хорошая память, а Джексон, будем честны, не располагает ни тем ни другим.

Он, в свою очередь, не ответил Джулии, задумчиво (многие, в основном женщины, сказали бы – бездумно) созерцая амфитеатр, небесную природную чашу, в которой покоилось Риво. Даже в руинах аббатство бесподобно, божественно. Потрясающе. *Потрясающе*, сказала в голове пресыщенная юница Марли. Когда Натан станет подростком, Джексону будет за шестьдесят. Алмазные годы.

– Не переживай, миленький, – сказала Джулия, – может, этого и не случится.

– Уже случилось, – мрачно отвечивал Джексон.

Временами приходилось напоминать себе, что у этого ленивого причудливого вояжа есть и третья цель. Все приходит (и уходит) по три, ведь так? Три мойры, три фурии, три грации, три волхва, три мудрые обезьяны, единый в трех лицах Бог.

– Трехголовые псы, – прибавила Джулия. – Для пифаго-

рейцев три было первым настоящим числом, потому что в нем есть начало, середина и конец.

Джексон работал на клиента. Он уже не частный детектив, у него больше *нет* клиентов, он не погружается в душераздирающее болото дел о разводах, вытрясании долгов и пропавших домашних питомцев, однако, невзирая на все это, умудрился обзавестись женщиной по имени Надин Макмастер, проживающей в далекой дали от Йоркшира, еще чуть дальше – и окажешься ближе. В Новой Зеландии, проще говоря.

Надо было отказаться, и, собственно говоря, он был почти уверен, что отказался, когда в декабре Надин Макмастер ни с того ни с сего прислала ему длинное электронное письмо (длиннющее жизнеописание). «Меня удочерили, и я хотела спросить: вы не могли бы что-нибудь выяснить о моих биологических родителях?» До чего, казалось бы, незатейливо.

Непонятно, как Надин Макмастер раздобыла его адрес, но где-то по ходу дела – как оно нередко случалось – она пересекалась с Джулией («подруга подруги одной подруги»). Нигде не спастись. У Джулии наверняка есть подруги и на Луне (или подруги подруг каких-нибудь подруг, в периоде). И ее шесть рукопожатий отчего-то всегда упрутся в Джексона.

В своей томной одиссее по стране ему удалось изящно совместить поиски липовой жены-воровки с делом Надин Макмастер. Корнуолл, Гуинедд, Донкастер, Харрогит – везде он выслеживал таинственную Надин Макмастер, и везде

безуспешно.

– То есть, – сказала Джулия, когда они вышли с Террас Риво и зашагали в утешительные объятия «Черного лебедя» в Хелмзли, – по сути дела, ты ищешь двух женщин – свою жену и Надин Макмастер, и не знаешь, кто они обе такие на самом деле.

– Да, – сказал Джексон. – Именно так.

На окраинах Лидса он зацепил аббатство Кёркстолл. Первое, где камни прокоптились до нелепой промышленной черноты в те дни, когда все золотые руна превращались в рулоны ткани. Завтра у него встреча с Линдой Паллистер, консультантом по усыновлению из социальной службы; Надин Макмастер ей уже писала. Адвокат Надин в Крайстчёрче оформила доверенность, и Джексон действовал от ее имени. Лидс внушал надежду. В Лидсе началась история Надин Макмастер, и Джексон очень рассчитывал, что в Лидсе все и закончится.

Линда Паллистер на встречу не явилась.

– Боюсь, Линде пришлось уехать домой, – сказала женщина в приемной соцслужбы. – По семейным обстоятельствам. Но она просила перенести встречу на завтра.

Линда Паллистер его кинула, и остаток дня Джексон светским гулякой бродил по Бриггиту, Коллз, в «Аркадах». Хлебная биржа, Ратуша (этот великий памятник муниципалитету), «Меррион-центр», парк Раундхей – все вместе скла-

дывалось в город одновременно знакомый и решительно чужой. Как будто Джексон что-то ищет, но узнаёт, что же это, лишь когда найдет. Наверное, утраченную юность. Или утраченного юнца, которым когда-то был. Грязный старый город, где над каналом грезил он⁶⁴, залакировали с блеском. Что, само собой, не означает, будто грязного старого города больше нет.

В Лидсе он не бывал уже лет тридцать с гаком. Приезжал мальчишкой, когда Лидс мнился вершиной утонченности, подлинной метрополией, хотя в те дни слово «метрополия» в его лексиконе, само собой, не встречалось, а «утонченность» сводилась к покупке пачки сигарет «Эмбасси» и походу тишком в кинотеатр на фильм для взрослых. Помнится, воровал здесь в «Вулвортсе». Всякую мелочь – конфеты, брелоки, батарейки. Если б отец узнал, содрал бы шкуру заживо, но эти кражи не казались настоящим воровством – это, скорее, как нахально показать властям язык. А теперь «Вулвортса» и вовсе нет. Кто бы мог подумать? Может, стоял бы, если б ребяшня не тибрила конфеты, брелоки и батарейки с таким упорством. Это многолетнее дурное мародерство наверняка стоило целое состояние.

В «Меррион-центре» он помог растерявшейся старуш-

---

⁶⁴ Аллюзия на песню Юэна Макколла «Грязный старый город» (*Dirty Old Town*, 1949), исполнявшуюся разными музыкантами, в том числе ирландской фолк-группой *The Dubliners* и кельтик-панк-группой *The Pogues*. В песне речь идет о Солфорде, Ланкашир.

ке, которую порывался уволочь безмозглый охранник. «Вам плохо? – спросил он старушку. – Вам помочь?» Произнес свою личную мантру: «Я когда-то был полицейским», и ее это, похоже, успокоило. Вроде знакомое лицо, но он не припомнил, кто же это. Старушкин парик съехал набок и нахлобучен был весьма лихо. Неловкость-то какая. Джексон надеялся, его усыпят прежде, чем он доберется до этой стадии. Наверное, придется самому. Он планировал выйти на лед («Я, наверное, задержусь»⁶⁵), лечь в обнимку с бутылкой жидкости не моложе его самого и отчалить в большой сон. Будем надеяться, глобальное потепление его планов не расстроит.

Последняя остановка – Раундхей; думал лениво прогуляться под солнышком, подышать свежим воздухом подальше от городских толп. Обзаводиться собакой он вовсе не планировал. Прерванное странствие, неожиданный подарок, непредвиденная встреча. Умеет жизнь сюжетцы закручивать.

Уже потом Джексон понял, что все пошло вкривь и вкось, едва его кинула Линда Паллистер. Если б она явилась на randevu, он бы полезно провел с ней около часа, ушел бы до-

---

⁶⁵ «Я только выйду наружу и, наверное, немного задержусь» – последние слова английского антарктического исследователя капитана Лоренса Эдварда Грейса Оутса (1880–1912): он участвовал в экспедиции Роберта Фалкона Скотта к Южному полюсу (пришедшей в пункт назначения месяцем позже Руаля Амундсена), на обратном пути заболел и, чтобы не задерживать спутников, покончил с собой, уйдя из палатки в метель.

вольный и целеустремленный и, пожалуй, вполне пережил бы очередной вечер в гостинице – заказал бы ужин в номер, поглядел бы дурацкое кино по телику, а не потратил бы время на неугомонные шатанья в состоянии по большей части бессознательном и на бессмысленный распущенный секс. Не было гвоздя. Во всем виновата Линда Паллистер. В итоге-то все так и решат.

* * *

Трейси позвонила и сказалась больной – следы запутала: – Что-то живот побаливает, грипп, вероятно, уйду домой пораньше.

И Лесли сказала:

– Ну конечно, выздоравливайте поскорее.

Затем Трейси прошмыгнула на автостоянку, села в свою «Ауди А-4» и вместе с Кортни поехала в магазин «Мамаши и папаши» в торговом комплексе в Бёрстолле, где купила детское сиденье, которое стоило примерно миллион. Всю поездку она переживала, что за отсутствие оногo сиденья ее сейчас арестуют, и в припадке паранойи велела девочке сзади лечь, как настоящей жертве похищения. Как будто на крыше машины мигает неоновая вывеска: «Это не мать ребенка!» Трейси отдала Кортни сосиску в тесте – это ее займет. В багажнике лежал клетчатый плед – перепугается ребенок, если накрыть ее пледом? Не исключено. Ладно, не будем накрыв-

вать.

Нервный поход в «Мамаши и папаши» открыл то, что Трейси всегда подозревала: дети – убийственно дорогое удовольствие. Уж она-то в курсе, она только что купила ребенка, хоть и по сходной цене. Дети – сплошная розница. Если не продаешь и не покупаешь самих детей, продаешь и покупаешь для них. Трейси встревожилась. Две тысячи фунтов в сумке тянули к земле. Надо было отдать Келли Кросс все пять. Это была ошибка – покупать ребенка по дешевке.

Детское сиденье Трейси оставила в магазине, а сама направилась в «Гэп». Кортни семенила рядом, как обдолбанная дворняжка. В «Меррион-центре» девчонка рта не закрывала, орала так, что закладывало уши, а теперь брала пример с Хелен Келлер⁶⁶.

Камеры безопасности Трейси ощущала кожей. Воображала их двоих в «Полицейском надзоре»⁶⁷ – у Кортни вместо лица пустое пятно, а лицо Трейси крупным планом, чтобы зрители разглядели. «Вы видели эту женщину? Она похитила ребенка возле торгового центра в Лидсе». Один шаг – и она пересекла тонкую синюю линию⁶⁸, из охотника пре-

---

⁶⁶ Хелен Адамс Келлер (1880–1968) – слепоглохая американская общественная и политическая деятельница и писательница.

⁶⁷ «Полицейский надзор» (*Crimewatch*, с 1984) – ежемесячная телепрограмма канала Би-би-си, в которой воссоздаются обстоятельства нераскрытых крупных преступлений в расчете на то, что возможные свидетели сообщат полиции какие-то полезные сведения.

⁶⁸ «Тонкая синяя линия» – имеются в виду силы полиции, которые названы

вратилась в дичь.

Что она скажет, если ее остановят, – «Не волнуйтесь, я этого ребенка честно купила»? Да уж, в обезьянник ее поволокут с восторгом. Она – Похитительница Детей⁶⁹, страшный бабай, кошмар любой матери. Кроме Келли. Келли, наверное, почитает ее спасительницей. Келли, конечно, не первая мать, продавшая свое дитя. Но что, если... что, если мать – не Келли? Детям, которых наплодила Келли, Трейси уже потеряла счет. Все ли под опекой? Что, если Келли только приглядывала за Кортни? В таком случае – Трейси уже сочиняла аргументы для соцработников, полиции, суда – мать Кортни, кто бы ни была, плохо заботилась о дочери. Могла бы найти няньку понадежнее. Отдать ребенка Келли Кросс – все равно что препоручить заботам питбуля. Короче говоря, девочка была в опасности.

Она припомнила, как Келли Кросс стояла в автобусе, как она удивилась, как сказала: «Но она не...» Что – не? Не моя дочь? Трейси представила, как двери автобуса захлопываются. Опустила толстенные металлические жалюзи. Она ниче-

---

так в одноименном документальном фильме американского режиссера Эррола Морриса (*The Thin Blue Line*, 1988), что само по себе аллюзия на стихотворение Редьярда Киплинга «Томми» (1892), в котором британские войска называются «тонкой красной линией», по цвету их формы.

⁶⁹ Похититель Детей – персонаж фильма, а затем театрального мюзикла «Пиф-паф, ой-ой-ой» (*Chitty Chitty Bang Bang*, 1968) по сценарию Роальда Дала и Кена Хьюза, приблизительной экранизации детской книги английского писателя Иэна Флеминга «Пиф-паф, ой-ой-ой: Волшебный автомобиль»; в книге персонаж не фигурирует.

го такого не слышала. Подумала о том, как теплая ладошка скользнула ей в руку.

Она знала, кто может разузнать побольше. Линда Паллистер. Она ведь так и занимается усыновлением и опекой? Если еще не вышла на пенсию, сможет выяснить, что там с детьми Келли Кросс.

Когда же это Трейси в последний раз видела Линду Паллистер? Кажется, три года назад, на свадьбе дочери Барри Крофорда. Детектива-суперинтенданта Барри Крофорда, бывшего коллеги Трейси. Хлоя, дочь Линды, – лучшая подруга Эми, дочери Барри, была главной подружкой невесты – пугало в темно-рыжем атласе. «У меня была мысль одеть их в платья цвета бронзы», – горестно поделилась с Трейси Эми Крофорд. Теперь бедняжка обитает в краю живых мертвецов, и вместо мыслей у нее в голове пюре. Сама она была, как все невесты, в непомерном белом наряде, в букете ошеломительные оранжевые и желтые цветы. У мужчин в петлицах оранжевые герберы – из таких штук клоуны водой прыскают. («Я хотела пооригинальнее», – сказала Эми.)

– Очень жизнеутверждающе, – отметила Барбара Крофорд, кривясь от такой безвкусицы.

Мать невесты со вкусом вырядилась в бирюзовый шелк («Поль Вассёр», – шепнула она Трейси, будто секретом поделилась). Для единственной и неповторимой дочки Барбара и Барри устроили отнюдь не чай у приходского священника – денег не пожалели. Из вежливости никто не поминал, что

под платьем у невесты уже выпирает живот.

Туфли у подружек невесты тоже были густо-оранжевые, и острые носы торчали из-под желтушных нарядов, которые смахивали на апокалиптический закат. На локтях букеты в сумочках из ленточек – а может, в футлярах для ароматических шариков или в крашенных пушечных ядрах.

– Я предлагала по-другому, честное слово, – сказала Барбара Крофорд; Трейси в жизни не слыхала столь оглушительного *sotto voce*⁷⁰. – Но Эми такая упряmica.

Мужа Эми звали Иван. Естественно, Барри называл его Иван Грозный.

– Иван? Что это вообще за имя? – спросил он Трейси, когда объявили о помолвке Эми. – Чертовы русские.

– По-моему, у него дедушка норвежец, – сказала Трейси.

– Норвежец? – недоверчиво переспросил Барри, как будто она сообщила, что Иванова родня прилетела с Луны.

Иван был финансовый консультант, Трейси советовалась с ним, когда раздумывала, где хранить накопления.

– Забегайте, поболтаем, друзьям Барри бесплатно, – сказал он ей на свадьбе.

Вроде хороший парень, в целом безобидный, а большего, по мнению Трейси, от человека и ждать не стоит. К несчастью, вскоре он разорился и лишился бизнеса. Кому нужны финансовые консультации человека, который и свои-то деньги уберечь не в состоянии. Барри намекал, что не обо-

---

⁷⁰ Вполголоса (*um.*).

шлось без мошенничества, но когда Трейси зашла к Ивану за какими-то бумагами, тот объяснил, что потерял флешку с данными всех своих клиентов.

– Видимо, из кармана выпала, – печально сказал он; после этого большинство клиентов ушли. – И я прекрасно их понимаю, – сказал Иван.

– Это ведь даже не традиционный кекс, – распахивалась Барбара, увидев, как Трейси ковыряет вилкой шоколадный бисквит с кремом.

– Зато не оранжевый, – отметила Трейси.

Конечно, уж кому-кому, а Трейси придирается не пристало. Ей было неуютно в бледно-голубом костюме из полиэстера, который выдавал такую статику, что она опасалась, как бы еще до свадебного торта не пасть жертвой спонтанного самовозгорания. Шляпку она тоже купила, но не надела – в шляпке она смахивала на трансвестита. Можно пересчитать на пальцах одной руки, на сколько свадеб приглашали Трейси, а вот похорон – выше крыши. В основном жертвы убийств. Ни разу не была на крещении. Сразу кое-что понятно о твоей жизни, правда?

Густо-оранжевый был особенно не к лицу Хлое Паллистер, с ее мышастыми волосами и жирной кожей.

– Вечно мать подружки невесты, а мать невесты – никогда, – сказала Линда Паллистер, подсаживаясь к Трейси и с надеждой улыбаясь.

Больше ей не с кем было поговорить. На свадьбу Линда

Паллистер надела черную бархатную блузку и юбку из какой-то крашеной паутины – ничего неуместнее и не придуманнее. Да еще нацепила гроздь серебряных колец и браслетов, а также крупное распятие на кожаном шнурке. На вид скорее знак покаяния, чем религиозный символ. Линда обратилась в восьмидесятых – проповедники тогда были не в моде, – и сразу, что нехарактерно, в умеренное англиканство. Ее старшенький, Джейкоб, на свадьбе не появился. Говорят, он менеджер в банке.

– Ваша Хлоя такая красавица, – соврала Трейси.

Если позвонить Линде Паллистер и спросить про детей Келли Кросс, тотчас окажешься под ударом, так? *Как, потерялся один из детей Келли Кросс? Надо же, как раз на днях Трейси Уотерхаус просила их пересчитать.* Трейси умыкнула ребенка. И не важно, много ли заплатила, не важно, сколько сочинила праведных аргументов, – ничего законного тут нет и не будет.

Она повела девочку обедать в «Белла Италия». Девочка съела пенне общим весом с нее саму, а Трейси погрызла чесночный хлеб. Аппетита не было. Диета похитителя детей. В свое время Трейси перепробовала кучу диет – грейпфрут, F-план, капуста, Аткинс. Самоистязание. Она была крупным младенцем, крупным ребенком, крупным подростком – маловероятно, что в менопаузе она станет миниатюрной женщиной.

В «Гэпе» Трейси купила Кортни одежду – прикладывала к девочке и прикидывала, а на бирки с размерами не смотрела, потому что с габаритами ребенка они, судя по всему, не соотносились.

– Тебе сколько лет, Кортни?

– Четыре, – сказала Кортни – скорее даже спросила. Она с легкостью влезала в одежду для двух-трехлеток.

– Ты для своего возраста маленькая, – сказала Трейси.

– А ты большая, – ответила Кортни.

– Не поспоришь, – сказала Трейси.

Правил взаимодействия с маленькими детьми она не знала и решила, что лучше всего прикинуться, будто они обе взрослые, и беседовать соответственно.

Она накупила Кортни больше одежды, чем планировала, но это была такая славная, такая красивая одежда – в детстве у Трейси ничего подобного не бывало. Полвека назад мать одевала ее в обвисшие сарафаны, нейлоновые джемперы и бурые полуботинки «Кларкс» на шнуровке – даже симпатичный ребенок в таком виде с трудом сошел бы за симпатичного, что уж о Трейси говорить. Когда она появилась, родителям было за сорок, состарились до времени. «Мы уже сдались, – говорила мать, будто это облегчение для них было. – И тут родилась ты».

Родители столько воевали друг с другом, что на ребенка времени не оставалось. Они воевали пассивно, прятались в безмолвной агрессии, а Трейси обитала в одиночном заклю-

чении единственного ребенка в семье. Себя считала дочерью войны, хотя к ее рождению война давно закончилась.

Кортни вытерла неизменные сопли рукавом замызганной розовой кофты. Надо купить одноразовых платков – люди с детьми постоянно носят в сумках платки. Наверняка нужен еще вагон детских товаров, но неясно каких. Хорошо бы дети поставлялись с инструкцией и списком необходимого.

Напоследок она купила для Кортни красный дафлкот на распродаже – тряпку, о которой отчаянно мечтала юная Трейси, смертельно унылая в своем буром габардине. У дафлкота была мягкая клетчатая подкладка и длинные пуговицы, по правде деревянные. Смотришь на дафлкот и сразу понимаешь: кто-то о ребенке заботится. Если б не жара в магазине, Трейси посоветовала бы девочке надеть дафлкот сразу, но по спине неприятно струился пот, а ребенок, судя по всему, уже практически вскипел.

Трейси умаялась. Где-то она читала, что люди больше всего устают в магазинах и музеях. Девочка совсем вымоталась. – Хочешь на ручки? – спросила Трейси.

Под этим весом едва не подогнулись коленки. Совсем крошка, а какая тяжелая. Сила тяготения – как у небольшой плотной планеты. Трейси с Кортни на руках доковыляла обратно до «Мамаш и папаш», забрала сиденье и приладила его в «ауди». Трех часов не прошло с тех пор, как у нее появился ребенок, а она от усталости уже инвалид – неудивительно, что все родители в «Меррион-центре» смахивают на зомби.

Она усадила Кортни в машину и удивилась, когда девочка пристегнулась сама. Они это умеют? Значит, и отстегнуться сможет?

– Не расстегивай, – посоветовала она. – На дороге полно дурных водителей.

Кортни пробормотала что-то в смысле «хорошо». Веки у нее посинели от усталости, и она совсем ошалела – Трейси видела такие лица у малолетних жертв насилия. Поневоле задумаешься. Собственно, удивляться нечему – чему уж тут удивляться? Мозг взрывается, как представишь, что люди делают с детьми. Раскаленная игла, все такое. Или, может, девочку тоже уморили сегодняшние виражи. Четыре часа дня, но время стало эластичным, тянулось в бесконечность.

Трейси глянула в зеркало – Кортни уже спала и сопела, жужжала, точно крупная пчела.

* * *

Интересно, размышлял Джексон, что нужно собаке? Наверное, корм и миска. То и другое он нашел в магазине «Дай лапу». Он отправился в поход по неизведанным землям. У него новая роль. Он знает, кто он, – он владелец собаки. Он еле справлялся с тем, что у него есть сын, – собака явно перебор.

– Какой очаровательный у вас бордер-терьер, – сказала женщина за прилавком.

– Да? – Джексон воззрился на собаку.

Он-то думал, это дворняжка беспородная. Вылитая дворняга и к тому же не слишком обаятельная. На морде и на боках кровь, и женщина сказала:

– Ой, он у вас что, подрался?

– Ну как бы, – ответил Джексон.

Женщина недовольно покосилась на веревку на шее у пса и спросила:

– А как сердешного зовут?

Джексон пролистал список имен, которые подошли бы псине больше, чем уже имеющееся, но ничего подходящего не нашел – только Джесс, однако это имя навеки принадлежало пастушьей собаке Этуэллов.

– Эмиссар, – в конце концов признался он. – Его зовут Эмиссар.

Пес наострил уши. Любопытно, кто его так обозвал. Джексон представил, как этот бугай, собачий хозяин – бывший хозяин, – стоит посреди поля и кричит: «Эмиссар!» В Раундхее изо рта Колина извергался лишь поток брани. Наверное, кто-то пошутил – кто-то, должно быть, говорил: «Надо причесать Эмиссара» или «Эмиссар спит у себя в корзинке».

Продавщица зоомагазина скептически воздела брови:

– Эмиссар? По-моему, это имя для большой собаки.

– У него большое сердце, – возразил Джексон.

Женщина обвела магазин рукой:

– Что-нибудь еще? Может, пальтишко? Для собаки, – прибавила она, когда Джексон на нее уставился.

Ему казалось, природа и так одарила собаку замечательным пальтишком, так что он отказался, зато купил кожаный поводок и отчалил, пока его не соблазнила, скажем, форма для четвероногого карликового моряка с лихой бескозырочкой, что висела за прилавком.

Джексон вынул швейцарский армейский нож и показал псу:

– Лучший друг человека. – Джексон пилил туго затянутую веревку, а собака смирно сидела. – Молодец, – похвалил Джексон.

В парке Джексону показалось, что собака взбалмошная, но теперь стало ясно, что пес просто жизнерадостен, – он смирно шел на поводке, не тянул, не дергал и обществом Джексона, похоже, наслаждался. Джексон глупо выглядит, да? Расхаживает по улицам с шавкой, а та целеустремленно семенит рядом. А как женщины относятся к мужчинам с мелкими собачками? Решат, что он гей? Он вызывает больше доверия, чем мужчина без собаки? (Гитлер, впрочем, любил собак.)

На светофоре он остановился. Обычно героически бросался через дорогу (или ошалело бросался, зависит от того, на чьей вы стороне – Джексона или большинства женщин в его жизни), но теперь стойчески ждал зеленого человечка:

маленькое существо, за которое он в ответе, внезапно снова превратило его в родителя.

Вновь оказавшись вблизи «Меррион-центра» (интересно, как там растерянная старушка? Хочется верить, что канадка не вызвала полицию), он заселился в довольно неприглядный «Бест-Вестерн», попросил номер на двоих, потому что не хотел быть одиноким мужчиной в номере на одного.

(– Ты прямо как коммивояжер, – сказала Джози.

– Только не превратись в гигантское насекомое⁷¹, – засмеялась Джулия.

– А? – сказал Джексон.)

В гостинице ему выделили номер с двумя кроватями – еще хуже: пустая кровать зияла упреком.

Джексон был от природы бережливый путешественник. «Зимой снегу не допросишься», как выразился бы его брат. Джексона воспитывали в благоразумии и экономности – в нищете, иными словами, – и с возрастом он становился все расчетливее. Что не мешало пугающей порой щедрости – с официантками «У Бетти», например.

В свое время Джексон пожил в лучших отелях мира, но сейчас вполне довольствовался щадящими рамками бюджета и ночевал в «Трэвелоджах» и «Премьер-иннах», что попадались на кочевническом пути. Здесь ты задерживался нена-

---

⁷¹ Имеется в виду сюжет новеллы Франца Кафки (1883–1924) «Превращение» (*Die Verwandlung*, 1912), в которой коммивояжер Грегор Замза, проснувшись утром, обнаруживает, что превратился в ужасное насекомое.

долго, потом двигался дальше, и ничто к тебе не прилипало. Просыпаешься среди ночи, гостиница всплывает в утро, умиротворяюще гудит ее машинерия. Он понимал, кто он в гостинице, – в гостинице он гость.

В дороге полгода – хочет ли он остановиться? Джексон Броуди, скиталец. Бродяга. Гостиницы поднадоели – может, трейлер? У родителей Джози был небольшой «спрайт», одолжили его Джози с Джексоном на заре их брака, когда те еще считались молодоженами; Джексон только вернулся из Залива, демобилизовался и уже подумывал, что, если отныне жизнь его – сплошной отпуск на колесах в обществе Маленьких Узколобых Англичан, лучше уж во Французский иностранный легион вступить. Теперь-то он видел некое обаяние в этой мании бывших тестя с тещей, первопроходцев открытых дорог, – загрузить караван и ехать вперед.

Он бы обустроил трейлер (скорее «романи», чем «спрайт»), как яхточку; подтянутый Джексон кипятит воду на костре, расставляет ловушки на кроликов, спит, обоня дым в своих волосах. Не считая милосердно убитых жертв миксоматоза или тварей, случайно задавленных на дороге, Джексон никогда сознательно не убивал кроликов, но, пожалуй, мог бы, если надо. Особенно если кролик большой и зовут его Кексом.

Но если вдуматься, жизнь в трейлере не для него. И, говоря правду, он уже подустал от этих шатаний. Хочется до-

ма. Чтобы в доме была женщина. Не все время – он слишком привык жить сам по себе. Одно время он, мужчина, чувствовал себя полноценным, только если шагал по жизни плечом к плечу с женщиной. Ему нравилось быть женатым – наверное, больше, чем его жене. Настоящей жене, а не лживому надувательству, на котором он женился во второй раз. («Фата-моргана, – сказала Джулия. – Мираж».)

Как-то раз Джулия сказала, что идеальный партнер – человек, которого можно спрятать в шкаф и доставать по необходимости. Вряд ли найдутся женщины, которые согласятся лежать в шкафу. Мужским поискам это, правда, не мешает.

Подозревая, что в «Бест-Вестерне» животному не обрадуются, Джексон пронес собаку контрабандой, спрятав в рюкзаке. На стоянке опустошил рюкзак наполовину и пригласил собаку занять предоставленное место, на что пес согласился без восторга. После некоторых уговоров все-таки уместился в рюкзаке. Хочешь не хочешь, а восхитишься таким характером.

– Молодец, – сказал Джексон. Надо ведь похвалить.

В номере он выпустил собаку. Открыл банку собачьего корма, вывалил в миску – собака ела так, будто ее голодом морили. В номере стоял поднос с «дарами гостеприимства» – чай, кофе, чайник и чашки с блюдами. Джексон взял блюдо, налил воды из-под крана. Собака пила так, будто бродила по пустыне.

По дороге в гостиницу Джексон зашел в аптеку, купил на-

бор для первой помощи и теперь ваткой продезинфицировал собаке царапины. Псина стоически терпела, пока ее тыкали и щупали, только слегка вздрагивала, когда антисептик попадал на порез или Джексон находил синяк.

– Молодец, – снова сказал Джексон.

Он включил чайник, сделал чаю, пачку крекеров разделил с псом. Доев, собака запрыгнула на кровать, покружила, пока не нашла подходящую позу, свернулась калачиком и тотчас заснула. Эту кровать присмотрел себе Джексон – ближе к двери (в любой комнате Джексону важнее всего выход), но собака, несмотря на габариты, выглядела замечательно несдвигаемой.

Здоровенной пойманной осой зажуужал телефон в кармане. Два сообщения. Одно – СМС от Марли: дочь спрашивала, нельзя ли ей пораньше получить деньги на день рождения. До дня рождения еще полгода – слово «пораньше» обретало новые невиданные смыслы. В чистом виде корысть, в конце для порядка – «люблю». Джексон решил пока не отвечать – пускай помучится пару дней. Когда дочь была маленькой и бесконечно, навечно обворожительной, он и подумать не мог, что со временем они перейдут к позиционной войне.

Второе сообщение помягче – письмо от Надин Макмастер. «Как дела? – писала она. – Давненько от вас не было весточки». Это сколько же сейчас времени в Новой Зеландии? Плюс двенадцать часов? Раннее утро, значит. Надин Макмастер живет в завтрашнем дне – от одной мысли у Джек-

сона вскипал мозг. Она, пожалуй, из тех, кто встает пораньше, чтобы написать письма. А может, ворочается бессонно, и чем ближе Джексон к черной дыре начала ее жизни («Там пустота», – сказала она), тем острее тревога.

Джексон вздохнул и набрал ответ: «В Лидсе. Завтра встречаюсь с Линдой Паллистер».

Надин Макмастер ответила мгновенно: «Фантастика! Будем надеяться, она сообщит что-нибудь полезное».

– Ага, как же, – сказал Джексон телефону и сам растерялся, услышав в голосе дочерино упрямство.

«Нет, – сказал он ей в последнюю встречу, – тебе нельзя татуировку, сколь угодно „красивую“, и кольцо в пупке, и синюю прядь в волосах, и парня. Особенно нельзя парня».

«Да, – ответил он Надин Макмастер, – будем надеяться».

Дело Надин Макмастер тлело, но не разгоралось. Джексон отчитывался ей уже который месяц, нерегулярно посылал лаконические письма, тотчас провоцируя ответное чириканье о погоде в Крайстчёрче («Снег!») или о том, как «маленький Аарон» первый раз пошел в садик («Честное слово, вернулась домой и разрыдалась»). Надин Макмастер, как и Джулия, питала (необоснованную) любовь к восклицательным знакам. Бойкость, считал Джексон, вообще трудно передать на письме.

Он всегда считал, что новозеландцы – мрачный народ (заграничные шотландцы), но Надин вся аж звенела от бодрости. Конечно, сведения о Новой Зеландии Джексон почерп-

нул в основном из фильма «Пианино»⁷². В кинотеатре, на заре его (настоящего) брака, еще до ребенка, еще до того, как все пошло наперекосяк. Когда родилась Марли, они брали видеокассеты в прокате и засыпали перед телевизором. Теперь видеокассеты устарели, как и многое другое в мире Джексона.

Однако Новая Зеландия его занимала – не столько, впрочем, из-за Надин Макмастер, сколько из-за дневников капитана Кука, прочитанных в том году; героизм его странствий, его водительства поразил Джексона. Первый человек, совершивший кругосветное путешествие в обе стороны. Рекорд так и не побит, как рекорд «Малларда». «Эндевор» и «Маллард», две совершенные особи.

Само собой, Кук был йоркширец. Поневоле восхитишься его первым вояжем, великолепным вояжем – он хотел пронаблюдать прохождение Венеры по солнечному диску, отыскать мифические южные континенты, – что привел его на Таити, в Австралию, в Новую Зеландию. *Сердце дуба*⁷³. Порой Джексон жалел, что не оставит следа в истории, не опишет новую землю, не повоюет на справедливой войне.

– Радуйся, что у тебя жизнь обыкновенная, – сказала Джу-

---

⁷² «Пианино» (*The Piano*, 1993) – драма новозеландского режиссера Джейн Кемпион по ее же сценарию; действие происходит главным образом на западном побережье Новой Зеландии.

⁷³ «Сердце дуба» (*Heart of Oak*, 1759) – официальный марш Военно-морского флота Великобритании (а также Канады, Австралии и Новой Зеландии), написанный Уильямом Бойсом на стихи английского актера Дэвида Гаррика.

лия – Джулия, которая всегда желала хоть в чем-то быть необыкновенной.

– Да я радуюсь, – ответил Джексон. – Я правда радуюсь. И все же.

Только вообрази, как впервые всплываешь в залив Поверти, устремляешь героический трехмачтовый барк на другой конец света. Новооткрытая земля, где раньше встает солнце. «Вообще-то, знаете, Крайстчёрч во многом довольно *английский*, – писала Надин Макмастер. – Будет обидно, если он вас разочарует. Приезжайте! Вам понравится Новая Зеландия!» Да?

Последний раз она видела Англию в два года. Что она помнит? Да ничего. А о жизни до удочерения? Ничегошеньки.

Следующая остановка после Лидса – Уитби, излюбленные края Кука. Джексон не отказался бы жить у моря – так и видел себя в старой рыбацкой хижине из корабельной древесины. Сердца дуба. Он бы каждый день ходил с собакой на бодрящую прогулку по пляжу, вечерами выпивал бы пинту со старыми морскими волками. Джексон, друг рыбака.

В Уитби Кук был учеником, там же появился на свет пугатый барк «Эндевор» – каботажное судно, что возило уголь туда-сюда вдоль восточного побережья. Теперь возят балкеры. Джексон застонал. Он ненавидел «Балкера». Детективный сериал. Винс Балкер – не человек, а конструкт, коктейль из всего дурного, смешанный командой сценаристов и одоб-

ренный фокусной группой.

«Мамуля говорила, меня сначала звали Шерон Костелло», – писала Надин. Приемные родители – бездетная пара из Харрогита, доктор Иэн Уинфилд, педиатр больницы Святого Иакова в Лидсе, и его жена Китти, бывшая фотомодель. Уинфилды переименовали Шерон в Надин.

«Мамуля уже умерла – рак легких, не лучший способ уйти, – и, по-моему, мне можно задаться вопросом о моем „происхождении“», – написала Надин Макмастер. («Любит она углубляться, а?» – сказала Джулия.) Джексону казалось, что ответ на вопрос Надин Макмастер разумнее было поискать *до* смерти матери, но он ни слова не сказал.

Пять лет назад Надин Уинфилд вышла за Дейва Макмастера («у него процветающее агентство недвижимости») и бросила преподавать географию в средней школе, дабы воспитывать маленького Аарона и еще не родившегося второго ребенка («Кальмарчика, как мы ее зовем!»). Поначалу, писала она, ей было просто *любопытно*. Хотелось бы побольше *рассказать* детям об их генеалогии. «Когда рождается ребенок, задумываешься о генетике, и, хотя моими „настоящими“ родителями навсегда останутся мамуля с папулей, мне все равно любопытно... знаете, бывает – как будто что-то потеряла, но не знаешь что».

Дурные гены Джексона, которые унаследовала Марли, обузданы (надеялся он) умеренной генетикой Джози. Но вот что ждет Натана? У Джулии не только легкие ни к черту. Вся

ее семья возмутительно дисфункциональна – готические романы отдыхают. Родители на детей плевать хотели, три сестры умерли – старшая, Сильвия, покончила с собой, Амелия от рака, а малышка Оливия убита – Сильвией. Был еще один младенец, Аннабель, прожила всего несколько часов, и вместе с ней в могилу вскоре легла мать девочек.

Из всех знакомых Джексона только Джулия могла потягаться с ним по части личных трагедий. Поначалу это их и свело – это и развело в итоге.

– Один за другим птенчики выпадали из гнезда, – сказала Джулия.

Утверждала, что «в метафорах обрящешь утешение». Джексон этого не понимал. И не сказал, что Амелия скорее смахивала на неуклюжую дрофу, а убийца и самоубийца Сильвия – хуже гарпии.

– *Бог крадет гнезда / Птицу за птицей / Похищая к звездам*⁷⁴, – сказала Джулия, а Джексон сказал:

– Эмили Дикинсон, – просто полюбоваться ее потрясением.

– Ты не болен, а? – спросила она. – Не обезумел?

– Вглядишься в Безумца – иногда он чуть ли не пророк⁷⁵, – бодро отвечивал Джексон.

– Убийство и суицид не передаются *генетически*, – сказа-

---

⁷⁴ Эмили Дикинсон, 153. Пер. Л. Ситника.

⁷⁵ Эмили Дикинсон, 435. Пер. А. Кудрявицкого.

ла Джулия после Террас Риво, уплетая сэндвичи в «Черном лебеде». – Натан не *предрасположен* к трагедии.

Джексона это не убедило, но он промолчал.

По словам Надин, Джон и Энджела Костелло из Донкастера погибли, когда в зад их машины въехал пьяный водитель грузовика. Их двухлетней дочери Шерон с ними не было; напрашивается вопрос: «Где же она была?» Уинфилды удочерили осиротевшую девочку, переименовали в Надин и вскоре увезли в Новую Зеландию.

«Они уже оставили надежду завести ребенка, – писала Надин, – и тут появилась я, точно дар с небес». Кое-кто, умирая, жертвует органы. Джон и Энджела Костелло пожертвовали целую девочку.

– Значит, надежду оставили не Уинфилды, – сказала Джулия. – Надежду оставили Костелло.

Потом-то Джексон сообразил: даже когда эфир принес первое, вступительное послание Надин (встречаются романы короче и лаконичнее писем Надин Макмастер), антенны интуиции уже зашевелились. Никаких родственников? Прошлое стерто начисто? Новое имя? Девочка слишком маленькая, ничего не помнит? Внезапный отъезд в далекие края?

– Похитили, – решительно заявила Джулия, намазывая булку маслом; впрочем, Джулия любит драматизировать.

Прежде чем взяться за расследование прошлого Надин Макмастер, Джексон счел своим долгом напомнить ей, чем расплатилась кошка за любопытство.

– Ящик Пандоры, – сказала Джулия и потянулась за второй булкой, еще не доев первую. – Хотя на самом деле «пифос» означает «большой кувшин». Пандора выпустила в мир зло и...

– Я в курсе, – перебил Джексон. – Я знаю.

– Людям нужна правда, – сказала Джулия. – Человеческая природа не выносит тайн.

По опыту Джексона, обнаружение правды – любой правды – лишь усугубляет тайну. Не исключено, что маленький Аарон и Кальмарчик обнаружат семейную историю, которую лучше бы запереть на семь замков, подальше от несносной Пандоры.

– Да, но дело же не в том, чтобы тебе *понравилось*. Важно *знать*, – сказала Джулия.

Сколько времени ни проводи с Джулией, в итоге все сводится к уютной фамильярности пополам с досадными спорами. Похоже на брак, только без развода. И без свадьбы, если уж на то пошло.

Натан на Террасах добегался до умопомрачения и после сэндвича и вазочки мороженого уснул у Джексона на руках, предоставив Джулии беспрепятственно вкушать чай. Мальчик лежал, точно мягкий мешок с песком, – ощущение тревожило. Джексон сомневался, хочет ли, чтобы сердце взбаламутили несокрушимые священные узы.

Как ни странно, новость о том, что Натан его сын, не осчастливила его – устратила. Лишнее доказательство тому,

что никогда не угадаешь, что почувствуешь, пока не почувствовал.

В последнее время Джулия стала намекать, что Джексону неплохо бы «больше быть отцом» Натану, а им троим – чаще проводить время «по-семейному».

– Но мы не семья, – возражал Джексон. – Ты замужем за совершенно третьим человеком.

Когда Джексону пришлось выбирать, с кем из отпрысков проводить Рождество, он предпочел свою угрюмую дочь (катастрофическое решение). Джулия сочла это откровенным фаворитизмом – может, и не зря.

– Выбор Джексона⁷⁶, – сказала она.

– Я не могу быть в двух местах одновременно, – посетовал Джексон.

– А атом может, если верить квантовой физике, – сказала Джулия.

– Я же не атом.

– Ты *сплошные* атомы, и больше ничего.

– Ну, может быть, но я все равно не могу разорваться. Джексон только один.

– Как это верно. Что ж, веселого тебе Рождества. Бог так возлюбил этот мир, что отдал Сына своего и тэ дэ. А Джексон своему сыну даже рождественского подарка не раздобыл.

---

⁷⁶ Аллюзия на роман американского писателя Уильяма Стайрона (1925–2006) *Sophie's Choice* (1979), в котором главная героиня, попав в Освенцим, вынуждена выбирать, кто из двух ее детей погибнет сразу, а кто останется жить.

– Вздор! – отвечал Джексон. – Чепуха!⁷⁷

В «Черном лебеде» Джулия слизывала с пальцев мороженое – когда-то Джексон решил бы, что она дразнится. Раньше Джулия мазалась красной помадой, а теперь губ не красила. Непослушные волосы зачесывала назад и уминала жестким зажимом. Материнство отчасти обесцветило ее. Удивительно, до чего Джексон порой скучал по прежней Джулии. А может, она и есть прежняя, а скучал он по временам, когда они были вместе. Он надеялся, что нет. В сердце больше не осталось места. (Крайне тесное) пространство, отведенное женщине в шкафу Джексонова сердца, почти целиком занимала свечка, что горела чувствами к его шотландской немезиде, старшему детективу-инспектору Луизе Монро. Давнее пламя вяло мигало, никогда не разгоралось в безвоздушности их разлуки. У них не бывало секса, они не виделись два года, она замужем за другим и родила от него ребенка. У людей это не считается отношениями. Кто-то должен свечку погасить.

– Сердце бескрайне, – сказала Джулия. – Места полно.

Может, в сердце Джулии места и полно, а у Джексона не так – у него сердце сжималось и съеживалось с каждым перенесенным ударом. *Бедное сердце, разбитое сердце*⁷⁸.

---

⁷⁷ Слова Эбенезера Скруджа, персонажа «Рождественской песни в прозе» (*A Christmas Carol in Prose, Being a Ghost Story of Christmas*, 1843) Чарльза Диккенса. Пер. Т. Озерской.

⁷⁸ Эмили Дикинсон, 78.

– Чушь, – сказала Джулия.

Штука-то в чем: Джон и Энджела Костелло, якобы родители маленькой Шерон, что вот-вот превратится в Надин Уинфилд, вовсе не стали прахом. Не погибли в автокатастрофе, не бродили по темным улицам Донни. Не умерли, поскольку не жили.

Ни автокатастрофы, ни свидетельств о смерти, ни сведений о том, что пара с такой фамилией жила в Донкастере. Никаких записей о рождении их дочери «Шерон Костелло». На всякий пожарный Джексон разыскал другую Шерон Костелло, родившуюся в один день с Надин Макмастер, 15 октября 1972 года; та жила в Труро. Оказалась ни при чем и сильно недоумевала.

Само собой, Уинфилды могли вместе с именем поменять и дату рождения. Если б Джексон прятал ребенка, он бы так и поступил.

Уинфилды, как выяснилось, существовали. Явно жили в Харрогите, где зародились все «Бетти», и это стало предлогом – не то чтобы Джексон искал предлог – провести там приятные сутки; пожалуй, одно из самых цивилизованных мест, какие ему доводилось посещать. Впрочем, всякому известно, а Джексону в особенности, что цивилизация – тонкий слой краски, не более того.

Иэн Уинфилд действительно с 1969-го по 1975-й был педиатром в Святом Иакове, а потом уехал работать в Крайст-

чёрч. В самом деле был женат на Китти, а та и вправду была фотомodelью. Надин Макмастер прислала студийные снимки – Китти Гиллеспы, челочка и подведенные глаза, воплощенные шестидесятые, типаж, к которому Джексона тянуло инстинктивно. Что-то такое всплывало в памяти – «Китти Гиллеспы, Джин Шримптон⁷⁹ для бедных». Не таких уж и бедных, если приглядеться. До Джексона так и не дошло, что шестидесятые – уже история; может, никогда и не дойдет.

«Мамуля была та еще штучка, правда? – писала Надин Макмастер. – Не сравнить со мной, маленькой клушей, – явно приемная!» Она прислала кучу фотографий своего семейства – она сама, Дэйв, Аарон, их собака (золотистый ретривер, само собой), Уинфилды и Надин в детстве («Дэйв все отсканировал!»).

Уинфилды будто нарочно подыскивали себе ребенка, который вовсе не будет на них похож. Они высокие, смуглые, элегантные, Надин – белобрысый, коренастый, старомодный на вид ребенок, который, судя по фотографиям, превратился в белобрысую, коренастую, старомодную на вид женщину. «Моя первая фотография!» – надписала она снимок, сделанный по приезду Уинфилдов в Новую Зеландию. Новоиспеченная семья осматривала какую-то достопримечательность, и Надин – веснушчатое пухлое лицо и ершистая стрижка беспризорника – улыбалась в камеру: счастье в миниатюре.

---

⁷⁹ Джин Роузмэри Шримптон (р. 1942) – английская фотомodelь и актриса, икона «свингующего Лондона», считается одной из первых в мире супермоделей.

Фотографии умеют врать, напомнил себе Джексон. Все эти избиваемые дети, которых замечают, лишь когда они уже умерли. И всегда в газетах фотографии, на которых они радостно улыбаются. Некоторые дети включают улыбку машинально, едва видят фотоаппарат. *Улыбочку!*

Началось с невиннейшей просьбы (*Я хотела спросить: вы не могли бы что-нибудь выяснить о моих биологических родителях?*) и завело в лабиринт, куда ни ткнешься – тупик. Надин Макмастер – экзистенциальная головоломка. Здесь и сейчас, в мире антиподов, она, может, и существует – жена Дейва, мать маленького Аарона. Вместе с невидимым Кальмарчиком ходит на курсы для беременных («и пилатес – это чудо что такое!»), но все прошлые ее воплощения, похоже, плод фантазии. Вот только неясно чьей.

Пандора приблизилась к ящичку, любопытной кошке грозит смертельная опасность.

– Может, кошка сидит *в ящичке*, – рассуждала Джулия. – Как кошка Шрёдингера.

– Чья? – не удержавшись, спросил Джексон.

– Ну знаешь, кошка Шрёдингера. В ящичке. Одновременно живая и мертвая.

– Нелепица какая-то.

– На практике да, но теоретически...

– Это, часом, никак не связано с атомами?

– *Verschränkung*⁸⁰, – с наслаждением провозгласила Джу-

---

⁸⁰ (Квантовая) запутанность (*нем.*) – понятие квантовой механики, описываю-

лия.

К счастью, от загадок ее отвлекло прибытие свежего чайника.

Пройдя в Новой Зеландии обязательную психотерапию для удочеренных, Надин Макмастер обратилась в Королевский суд Лидса за оригинальным свидетельством о рождении. На той неделе получила ответ: нет свидетельства. И нет никаких записей о том, что ее удочерили.

– Вот видишь. Похитили. Матушкой буду я? – Джулия взяла чайник. – Поскольку я уже, а ты никак нет.

* * *

Когда они вошли в дом, звонил телефон. Трейси взяла трубку, сказала «алло» – в трубке тишина. Там кто-то был, совершенно точно, и она провела с ним безмолвную беседу – сражение воле. Звонивший сдался первым – она услышала, как трубку положили на рычаг.

– Туда и дорога, – сказала Трейси.

У нее дела поважнее. Похищенный ребенок, например.

За продуктами они не зашли – да у Трейси и не хватило бы сил готовить, – и по пути домой она купила пиццу. Не на-

---

щее явление, при котором квантовые состояния двух или более объектов взаимозависимы даже при удалении объектов за пределы возможных взаимодействий. Термин в 1935 г. ввел австрийский физик-теоретик Эрвин Рудольф Йозеф Александр Шрёдингер (1887–1961).

до рисковать, все дети любят пищу, пусть не самая здоровая пища, но сейчас плевать – главное, чтобы Кортни этой пиццей не стошнило. Еще придет время для свежих овощей с фруктами. Будущее внезапно переменилось – теперь она, пожалуй, хотела туда попасть, а не плелась уныло день за днем. Абсолютно, совершенно устрашающе – и, пожалуй, она хотела туда попасть.

В буфете шаром покати – ни косточки для собаки, ни банки фасоли для похищенного ребенка, только почернелые бананы обиженно нахохлились в вазе. Трейси почти не готовила с тех пор, как Янек занялся кухней, – покупала навывнос, разогревала готовое в микроволновке (ну еще бы, ничего нового), а сейчас увидела, что кухня-то почти закончена – только косметика и линолеум положить, тут и там кое-что по мелочи. В углу аккуратно притулилась сумка с Янековыми инструментами. Надо опять сходить в банк и снять для него еще денег. Утром ее убивала одна мысль о том, что он скоро исчезнет, а теперь почти все равно. Она ступила на тропу неожиданных и опасных приключений, – вполне вероятно, она дойдет до края света и упадет.

– Еще кусочек? – спросила Трейси, и Кортни уставилась на нее, раззявив рот.

Надо будет удалять аденоиды? А их еще удаляют? Девочка отнюдь не красotka, но как раз это Трейси понятно. Через несколько секунд до Кортни дошло (пожалуй, нелишнее будет проверить ей слух), она кивнула, вверх-вниз, и кивала,

пока Трейси не посоветовала ей прекратить. Она вообще в себе? *Отсталая* – но теперь так не разрешают говорить. Да какая разница – ребенок есть ребенок.

Слишком взвинчена, кусок в горло не лезет. В таком состоянии поможет только алкоголь, но Трейси не хотела пить при девочке – та наверняка всю жизнь провела с алкашами, – поэтому сделала себе трезвую чашку чая «Тайфу» и стала глядеть, как Кортни ест, а между тем воображала частные уроки, чтобы девочка нагнала сверстников, регулярные визиты к отоларингологу, проверку зрения (ребенок слегка щурится), красивую стрижку, а затем хорошую школу, где заботятся о детях, – скажем, какую-нибудь хиппейную-идеалистичную, Линда Паллистер наверняка может посоветовать. А потом, кто знает, – может, девочка поступит в университет, политехнический, но с другим названием, и на выпускном будет стоять в шапочке и мантии, а Трейси станет пить дешевое белое вино с другими гордыми родителями.

Мозг Трейси отчасти еще дежурил в «Меррион-центре» и не вполне догонял ненормальные события. А вот теперь тормознутая часть мозга вдруг очнулась и осознала. Это что здесь происходит? – спросила она. Ты строишь долгосрочные планы жить вне закона! Да, сказала Трейси взбунтовавшемуся участку мозговой коры. Ровно этим я и занимаюсь. Она похитила ребенка. Совершила преступление. Переступила черту. Раньше она как-то не задумывалась, откуда взялось это слово.

И как она объяснит внезапное появление ребенка? Проще вместе исчезнуть, начать заново там, где их никто не знает («Я миссис Уотерхаус, а это моя дочка Кортни»). Поменять Кортни имя, выбрать типичное для среднего класса – Эмили, Люси. Может, пустить корни в деревне – в Долинах или на Озерах, – на полицейскую пенсию Трейси отлично можно прожить. Ребенок ходил бы в маленькую деревенскую начальку, Трейси завела бы пару-тройку кур, огородничала, готовила питательную еду. Она вообразила, как приходит на ежегодный деревенский праздник, рисует на лицах аквагримом, кексы печет («Ой, Трейси такая замечательная мать, правда?»). Она, конечно, за всю жизнь ни разу кекса не испекла, но все с чего-то начинали.

Бежать в горы. Или в Долины, или на Озера. Хорошо она придумала, на пятницу забронировала коттедж Национального фонда, – даже знай она заранее, что жизнь полетит вверх тормашками, не выбрала бы момента удачнее. Передышка. Время поразмыслить. Лисы засели в норе, прячутся от гончих. На случай, если кто пожелает их разыскать до того, как они исчезнут окончательно. Например, Келли Кросс передумает насчет сделки. *Caveat emptor*⁸¹. А потом что – остаться, сбегать? Делать дело или делать ноги. Начать новую жизнь («Имоджен Браун и ее дочка Люси») или продол-

---

⁸¹ Зд.: будь бдителен, покупатель (лат.); принцип имущественного права, позволяющий покупателю по причине дефектов товара (изначально – недвижимости), которых продавец не скрывал, отказаться от сделки после ее заключения.

жать старую (Бутч Трейси и похищенный малыш), рискнуть разоблачением и последствиями?

Свое имя тоже придется поменять, «Трейси» ей никогда не нравилось. Имоджен или Изобел поженственнее, поромантичнее. Пожалуй, на Имоджен она не похожа. Имоджен – средний класс, ближние графства, длинные светлые волосы, мать с налетом богемы. И фамилию поменять – что-нибудь попроще, понезаметнее. «Имоджен Браун и ее дочка Люси», она с ребенком за ручку шагает в чистое, незамутненное, ослепительно-белое будущее. Воздаст за всех потерянных детей. Один упавший птенчик запрыгнул обратно в гнездышко.

Не старовата ли она быть матерью? Экстракорпоральное оплодотворение, внезапное раннее вдовство – вопросы отпадут сами собой. Новые имена, новые личности – как в программе защиты свидетелей. Одно странно: Кортни ни разу не помянула мать. Никаких «А где мамочка?» или «Хочу к маме». И не скажешь, будто ей кого-то не хватает. Может, она беспризорная – или драгоценна и ее украли?

– Кортни, – нерешительно сказала Трейси, – как думаешь, где сейчас мама?

Кортни карикатурно пожала плечами, сжевала еще клинышек пиццы и лишь затем высказалась:

– У меня нет мамы.

(Правда? Отличная новость. Во всяком случае, для Трейси.)

– Ну, теперь есть, – сказала она.

Девочка вскинула голову, уставилась на нее, потом опасно обвела взглядом кухню:

– Где?

Трейси прижала руку к сердцу и весьма героически провозгласила:

– Вот. Я буду твоей мамой.

– Да? – с сомнением ее оглядев, переспросила Кортни.

Неудивительно, подумала Трейси. Есть вещи, через которые не переступить. (Опять это слово.)

– Последний кусочек? – (Кортни большим пальцем показала вниз – маленький император в Колизее. Зевнула.) – Тогда в постель, – сказала Трейси, изо всех сил делая вид, будто знает, что делает.

Она помыла похищенного ребенка. Грязи море, но ни синяков, ни явных увечий. Худенькие ножки и ручки, тонкие плечи, лопатки – точно ростки крыльев. Заметное родимое пятно, крошечной опечаткой в генетическом коде вытатуированное на предплечье. Родинка в форме Индии – или это Африка? Трейси с детства не ладила с географией. *Особые приметы?* Кожа навеки отмечена печатью владельца. Клеймо. Может, есть способы его удалить. Лазером, например.

Кортни смиренно сидела, а Трейси намылила ее, ополоснула, распустила тощие косички, аккуратно вымыла волосы, завернула девочку в полотенце и вынула из ванны. Надо же,

какая маленькая. Маленькая и ранимая. И тяжелая. Как будто тебе поручили заботиться о вазе эпохи Мин – и пугает, и будоражит. Слава богу, не младенец – такую нервотрепку Трейси вряд ли бы пережила.

Ее недавно купленный дом в последний раз ремонтировали где-то в начале восьмидесятых – едва ли вершина стиля – и ванную выкрасили в цвет грязного авокадо – цвет Шрека. Трейси в одиночестве посмотрела все три DVD про Шрека. Если у тебя есть ребенок, можно смотреть мультики, ходить на представления, ездить в Диснейленд и не чувствовать себя жалким горемыкой. Увидев это голое тельце в своей ванне цвета соплей, Трейси чуть не расплакалась. Сама удивилась, сколь глубоки залежи первобытных, нетронутых эмоций внутри отвердевшего панциря – поди объясни, откуда взялись.

– Подожди секундочку, лап, – сказала она, усадив Кортни, закутанную в полотенце, на табуретку. Порылась в шкафчике, достала маникюрные ножницы. – Приведем тебя в порядок слегка, – пояснила она и отрезала прядь девочкиных волос. Будто границу нарушила, но это же просто волосы, успокоила она себя.

Она помогла Кортни надеть новую пижаму из «Гэпа» и сказала:

– Залезай в постель, лап.

И сердце снова перекувырнулось, когда Кортни послуш-

но забралась в постель, легла на спину и натянула одеяло до подбородка. Господи боже, маленького ребенка можно заставить делать что угодно – ты ему говоришь, а он делает. Ужас какой.

Трейси оглядела пустую комнатушку с нищенской кроватью – словно впервые увидела, до чего здесь пусто и неуютно. Была и третья спальня, но та еще с переезда забита коробками и всяким мусором из родительского дома, на который у Трейси не хватало ни сил, ни любопытства, – груды расшитых салфеток на подносы, щербатых тарелок и старых фотографий неопознанных родственников. Да зачем распаковывать? Собрать и вывалить на тротуар перед лавкой «Оксфамма» – и вся недолга.

Надо было отремонтировать спальни, а уж потом заняться первым этажом. Трейси так радовалась, когда закончила гостиную, неделями корпела над «Миром интерьеров» и «Домом и садом», но огляделась и поняла, что стало похоже на гостиничный вестибюль, а не на уютное гнездышко. Ее спальню прежний владелец оклеил обоями с большими пурпурными цветами смутно неприличного вида.

В пустой комнатушке, оклеенной скучными обоями под покраску, раньше, вероятно, был кабинет. На окнах хлипкие пластмассовые жалюзи, на полу – дешевый бежевый ковролин. Жаль, что Трейси не подумала заранее, не купила цветастые занавески и красивый мягкий ковер, не покрасила комнату приятной пастелью. Или белым. Чистый, незапятнан-

ный цвет лебедей и глазури на деньрожденном торте. Предусмотрительная женщина предвидела бы похищение ребенка.

Горячее молоко? Или какао? Трейси изобретала детство, которого у нее не было, поскольку эгоцентричные родители рассчитывали, что Трейси вырастет как-нибудь сама. Никогда ею особо не интересовались – лишь после их смерти она сообразила, что и не заинтересуются. Будь у нее родители получше (любящие родители), она бы, может, выросла другой – уверенной в себе, популярной, способной заманивать противоположный пол в постель и любовь, и сейчас у нее был бы свой ребенок, а не подержанный.

Горячий шоколад, решила Трейси, – так она представляла себе лакомство. Когда вернулась с двумя кружками, Кортни сидела в постели, разложив на тонком одеяле из «Икеи» содержимое розового рюкзака. Коллекцию тотемов, чье значение известно лишь их маленькой хозяйке:

потемневший серебряный наперсток

китайская монетка с дыркой посередине

кошелек с улыбающейся мартышкой

снежный шар с топорной пластмассовой моделью парламента

ракушка в форме трубочки с кремом

ракушка в форме шляпы кули

целый мускатный орех

– Да у тебя тут сокровищница, – сказала Трейси.

Девочка оторвалась от своего вампума, взглянула на нее непроницаемо, а потом, впервые с тех пор, как Трейси ее купила, улыбнулась. Блаженно просияла солнышком. Трейси просияла в ответ, в груди раздулся пузырь какой-то мешанины – агония и экстаз один к одному, в голове мутится. Господи Исусе! Как родители справляются каждый божий день? Трейси заморгала, сдерживая слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.